СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ѲАДДЕЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

ЧАСТЬ СТО ДВѢНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1827.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Февраля 15 дня 1827 года.

Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ Константинъ Сербиновичъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.
1827. № V.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ГУСТАВЪ ВАЗА.

(*Окончаніе.*)

Однажды, когда я вышелъ изъ рудника, предсталъ передо мною благовидный мужчина — подалъ мнѣ дружески руку и повелъ меня въ свой домъ. Это былъ Аксель Біорнзенъ; жена одного работника видѣла вышитый воротникъ сорочки моей и сказала Акселю, который заключилъ изъ того, что я бѣглецъ, преслѣдуемый бѣшенствомъ Христіерна, и какъ онъ былъ добрый человѣкъ, то и принялъ меня къ себѣ.

Онъ обходился со мною дружески и сострадательно. Я хвалилъ Даларнійцевъ и легонько изъявилъ боязнь свою на счетъ того, когда и до нихъ дойдетъ очередь испытать тиранство Христіерново. Тутъ сталъ Аксель выхвалять обширность страны, многочисленность и храбрость мужей

ея и ненависть ихъ къ гнетущему Шведовъ игу; онъ клялся, что Христіерну никогда не удастся покорить ихъ своей власти. Я радостно обнаружилъ передъ нимъ свои мысли. Тогда Аксель вдругъ поблѣднѣлъ и сталъ тотчасъ оговаривать, что̀ прежде превозносилъ хвалами. Трусъ не можетъ быть вѣрнымъ другомъ. Я взялъ съ него обѣщаніе быть скромнымъ, и ночью ушелъ отъ него. Безъ вожатаго, блуждалъ я по горамъ и долинамъ, и наконецъ нашелъ жилище стариннаго своего товарища въ биштахъ, Петерсона.

Онъ принялъ меня по-братски, съ громкими восклицаніями радости. „Какъ ты“ говорилъ онъ: „увернулся отъ Датскаго палача? Ну, слава Богу, что живетъ хотя одинъ Шведъ, на котораго отечество можетъ полагать надежду. Ступай ко мнѣ; ѣшь, пей, подкрѣпи себя; въ домѣ твоего друга все твое.“

Тутъ ударили мы дружески по рукамъ, и я не скрылъ отъ него стремленія моего сердца. Онъ обѣщалъ мнѣ пособіе и назвалъ человѣкъ пятьдесятъ, все знатныхъ особъ, говоря, что на нихъ могу положиться. Два дня пробыли мы вмѣстѣ и условились, какъ быть дѣлу; тогда пошелъ онъ, какъ сказалъ, переговорить съ прочими.

Тоскливо и горестно посматривала на меня хозяйка Имгарда, когда онъ вышелъ. Я спросилъ, почему; она отвѣчала, что нездорова. Однако при наступленіи вечера, когда стало темно и я, взявши фонарь, отправился спать, она догнала меня, схватила за руку и стала плакать. „Густавъ,“ сказала она: — „сердце мое разрывается, но я должна остеречь тебя: мой мужъ послалъ предать тебя Датчанамъ за золото. Бѣги; мой старый слуга Іенсъ проводитъ тебя въ вѣрное мѣсто.“

„Куда ты ведешь меня?“ спросилъ я стараго слугу, идучи съ нимъ тѣсною, почти непроходимою тропою. „Къ Пастору“ отвѣчалъ онъ. Это не понравилось мнѣ; не скрою передъ вами, друзья: тогда никто не казался мнѣ опаснѣе Пастора. Что сдѣлалъ Густавъ Тролле (*) на пагубу своему отечеству, то было у меня въ свѣжей па-

(*) Стернъ Стуре и Эрикъ Тролле, искали оба достоинства Намѣстника; Стуре побѣдилъ. Чтобы успокоить Папу, который вмѣшался въ распрю, и партію Эрика, Стуре согласился признать Эрикова сына, Густава, Архіепископомъ Упсальскимъ. Сей послѣдній оказалъ себя дѣятельнымъ и непримиримымъ врагомъ Стура, и безъ него никогда Христіернъ, возбуждавшій еще болѣе деньгами его мстительность, не пришелъ бы въ Швецію. *Сог.*

мяти; и хотя однажды приходила мнѣ бѣглая мысль привлечь на свою сторону Епископовъ, однако я бросилъ ее; мнѣ мнилось, что всякій Епископъ подобенъ Тролле — не захочетъ быть болѣе гражданиномъ и человѣкомъ, чѣмъ Епископомъ.

Однако, благодареніе Богу, Пасторъ, называвшійся Іоанномъ, былъ хотя и не Епископъ, но гражданинъ и человѣкъ добрый. И онъ сидѣлъ бы здѣсь, за этимъ столомъ, если бъ не былъ шамъ, гдѣ носитъ корону превосходнѣе моей! — Онъ спросилъ меня объ имени и обѣщалъ мнѣ покровительство. Когда старый слуга ушелъ, онъ повелъ меня въ церковь и заперъ въ ризницѣ. „Здѣсь“ — сказалъ онъ: — „тебя никто искать не будетъ. Гдѣ господинъ бездѣльникъ, шамъ нельзя вѣрить и слугѣ. Въ домѣ моемъ тебѣ не было бы хорошаго убѣжища.“ — По ночамъ приходилъ онъ, приносилъ мнѣ пищу и бесѣдовалъ со мною. Тутъ узналъ я вскорѣ здравый умъ этого человѣка и честныя свойства. Слезы пробивались изъ глазъ его при мысли, что есть еще Шведъ не робкаго духа, для блага своего отечества. „О, счастливъ ты“ — восклицалъ онъ: — „что Богъ къ отважной душѣ даровалъ тебѣ твердую руку на спасеніе народа съ геройскою силою. Благо-

словляю тебя къ тому во имя Господа! Но если не могу носить меча на опору тебѣ, то буду служить совѣтомъ и дѣломъ. Не ищи въ здѣшнемъ дворянствѣ! Его низкое корыстолюбіе не доставитъ тебѣ славы, къ которой стремишься; охотнѣе изгибается оно передъ чуждымъ шираномъ, нежели передъ душевнымъ величіемъ себѣ подобнаго. Къ тому же дворяне боятся войны, могущей уменьшить ихъ запасы и испортить пашни. Но поселяне Даларнійскіе смѣлы, раздражены противу чужевластія, бѣдны и потому не скупы, гораздо ниже тебя званіемъ, и потому не позавидуютъ твоимъ добродѣтелямъ. Черезъ нѣсколько дней приходи въ Мору, на крестьянскую сходку, я прежде схожу туда, чтобъ узнать расположеніе умовъ. Надежный человѣкъ снабдитъ тебя всѣмъ нужнымъ, и проводитъ.

Я пришелъ въ Мору на сходку Даларнійцевъ. Іоаннъ тамъ встрѣтилъ меня. „Все ладно!“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо, и подхватя меня подъ руку, ввелъ въ среду ихъ. „Вотъ Густавъ Васа!“ вскричалъ онъ тутъ: „который ищетъ защиты отъ жестокостей Христіерна, въ долинахъ и между мужами Даларніи.“

Радостный крикъ разсѣкъ воздухъ. Добродушные Даларнійцы обступили меня, хватали за руку и пожимали ее. Иной, съ дикимъ лицемъ, съ звѣрскимъ взоромъ, смотрѣлъ на меня такъ умильно, что слезы порывались изъ глазъ его. „Даларнійцы!“ — сказалъ я, по минованіи бури восторга — „не для спасенія своей жизни убѣжалъ я отъ тирана. Честь и богатство достались бы мнѣ въ удѣлъ, если бъ я поклялся ему въ вѣрности. Въ моихъ замкахъ могъ бы я вести укромную, покойную жизнь. И на чужбинѣ эта рука пріобрѣла бы себѣ милость и покровительство Монарховъ. Но мой народъ составляетъ жизнь мою, честь и богатство. Мнѣ ли терпѣть, чтобъ Шведы медленно пожираемы были горстью чужаго народа? Я перенесъ уже много опасностей, испыталъ измѣну, прошелъ горы и лѣса Кальмара, Остготландіи, Зюдерманландіи, Нерики и Вестманландіи: нигдѣ не нашелъ, чего искалъ. Дворяне изгибаются подъ гнетомъ власти, воины покорствуютъ ласкательству, Епископы возносятъ мольбы за тирана, отъ котораго принимаютъ подарки и угрозы, береговые жители считаютъ свои барыши превыше свободы. Даларнійцы, вы — сердце Швеціи. Въ васъ живетъ благородство предковъ на-

шихъ, умершее въ другихъ. За мною, друзья! — Отъ вашего мужества, отъ крѣпости руки вашей побѣгутъ всѣ истребители народа, всѣ тайные его кровопійцы, и благодарное отечество восхвалитъ васъ на вѣки вѣковъ.“

Тутъ, какъ бурные валы, взволновался народъ, и громкія восклицанія раздались въ воздухѣ. Поклялись мщеніемъ Дашчанамъ, достали въ мигъ оружіе, и 400 человѣкъ потребовали, чтобы я велъ ихъ на битву. Мы осадили замокъ, въ которомъ жилъ Дашскій Намѣстникъ. Всѣ крестьяне собрались вокругъ меня. Явились и нѣкоторые изъ дворянъ, по видимому на помощь мнѣ, въ самомъ же дѣлѣ — чтобъ развѣдать о силахъ моихъ и съ ними сообразоваться. Я мало о томъ заботился, и предводительствуя храбрымъ народомъ, полетѣлъ на встрѣчу побѣдѣ. Дашскіе полководцы падали или бѣжали. Вѣроломный Густавъ Тролле, думавшій поразить меня при Упсалѣ, едва успѣлъ убрать свои ноги.

Тогда закипѣло ширанское сердце Христіерна. Мать моя и сестра, двѣ благородныя женщины, умерщвлены были съ жесточайшими муками. Много другихъ благородныхъ женщинъ брошены имъ съ утеса въ море, въ мѣшкахъ, которые ихъ самихъ за-

ставили щить. Знатнѣйшихъ юношей убивалъ онъ и уродовалъ. Въ Швеціи, наемники его истребляли мечемъ и огнемъ всѣхъ безъ различія. Это воспламеняло въ моихъ мужество, и съ каждымъ днемъ умножало число ихъ. Небольшую толпу воиновъ прислалъ мнѣ Николай изъ Любека и писалъ, что тамошній Совѣтъ готовъ заключить со мною союзъ. Тутъ выползли и дворяне изъ своихъ замковъ, и старые товарищи, которымъ Христіернъ не давалъ жалованья, вдругъ вспомнили о героѣ Стуре, объ отечествѣ, и предложили мнѣ свои услуги. Я принималъ всѣхъ, но Даларнійцы съ неустрашимостію, твердостію духа и сильными мышцами, стояли у меня высоко предъ всѣми.

Я сдѣлалъ приступъ къ Стокгольму. Густавъ Тролле и его приверженцы бѣжали. Тутъ мнѣ потребовалась помощь. Я послалъ Сванта Поссе въ Любекъ, заключить союзъ и потребовать скорѣйшаго пособія. Онъ привезъ то и другое; но когда доносилъ онъ о посольствѣ своемъ, очень живо возобновлялись въ моей памяти старые господа, засѣдающіе въ Совѣтѣ, въ ихъ мѣховыхъ плащахъ съ золотыми перевязями. Отъ меня требовали, заплатить 60,000 марокъ за снаряженное воинство, а пока этого не сдѣлаю, дозволить безпошлинный

ввозъ товаровъ для Любчанъ, не допускать никого, кромѣ нихъ, къ торговлѣ со Швеціею и не заключать мира безъ согласія Любека. Вотъ что называется по купечески расчитаннымъ дружествомъ, господинъ Посланникъ; никогда бы я не забылъ о томъ, если бъ вы и не напоминали мнѣ.

Надобно было на все согласиться, чтобъ довершить начатое. Тутъ случилось, что Норби (*), попытавшись тщетно подать помощь сидящимъ въ Стокгольмѣ Датчанамъ, былъ загнанъ моими Любскими кораблями къ ближнему острову, и тамъ затерло его льдомъ со всѣмъ его флотомъ. Это узналъ я на другой день, и рѣшился однимъ ударомъ сокрушить всю Датскую силу. Мои Шведы были, правда, отважны, какъ львы, но къ устройству и порядку еще не совсѣмъ привыкли они; почему и повелъ я въ ту же ночь къ нападенію однихъ Любчанъ. И они пошли храбро въ слѣдъ за мною, и не смотря на сильный огонь Датчанъ, зажгли многіе корабли ихъ, такъ, что я уже радовался удачному предпріятію. Вдругъ Либскій предводитель скомандовалъ ретираду, и какъ я ни просилъ, сколько ни

(*) Зеренъ Норби былъ Христіерновъ Адмиралъ, человѣкъ храбрый. *Cor.*

угрожалъ, не могъ отклонить отъ того Любчанъ. Тутъ я узналъ, что значитъ помощь союзниковъ!

Однако тогда было не до того, чтобъ сердиться: освобожденный Норби угрожалъ всею силою отразить осаждающихъ Стокгольмъ, и мнѣ нужны были Любчане, чтобы не допустить его къ этому. Впрочемъ, если бъ Шведы мои не устояли съ удивительною твердостію противу люто-сти холодной зимы, я былъ бы принужденъ отступить, потому, что эти чужіе друзья хотѣли только сладко ѣсть, а не мерзнуть и не воевать. Тираны низвергаютъ сами себя. Датчане возстали противу Христіерна и прогнали его. Швеція очистилась, только Стокгольмъ оказывалъ еще слабое, почти умирающее упорство. Цѣль, которая лежала у меня на душѣ, была достигнута, и я пожелалъ видѣть народъ, за свободу котораго сражался и побѣждалъ; мнѣ хотѣлось дать ему правительство и законы, чтобъ упрочить за нимъ эту благодѣтельную свободу.

По силѣ возложеннаго на меня Чинами званія Правителя, назначилъ я Сеймъ въ Стрегнесѣ. Туда собрались во множествѣ. Чины, Епископы, и тьмочисленными толпами народъ мой изъ всѣхъ провинцій. Гдѣ

ни появлялся я, вездѣ принимали меня съ радостными восклицаніями, какъ божество. Я былъ предметомъ ихъ разговоровъ, героемъ ихъ пѣснопѣній. Всѣ тѣснились вкругъ меня, какъ дѣти около отца, и эти брадатые мужи плакали отъ радости, когда я имъ дружески кланялся.

Не подумайте, друзья, чтобъ человѣкъ, который скоро станетъ предъ престоломъ Всевышняго, рѣшился говорить вамъ это изъ суетной горделивости. Если душа, возъимѣвъ благіе, великіе помыслы, безпрепятственно преборала опасности и непоколебимо выносила труды, ради одной высокой цѣли, и если эта цѣль достигнута и справедливость расточаетъ награду за наградою для счастливца, который того удостоился: тогда умолкаетъ уже голосъ обыкновеннаго честолюбія и радости, и простая, но искренняя и безкорыстная похвала народа гораздо утѣшительнѣе сердцу, нежели шумное, блистательное одобреніе, при которомъ иные хотятъ выставить только самихъ себя.

Это испытано мною въ Спрегнесѣ. Зашла рѣчь объ избраніи меня въ Короли. Чины и Епископы видѣли, что нѣкому быть Королемъ, кромѣ меня. Я и самъ чувствовалъ, и не стыжусь сказать, что радовался

тогда, считая себя достойнымъ вѣнца, котораго тягость въ теченіе сорока лѣтъ не подавила моего мужества, котораго обязанностямъ пребылъ я вѣренъ. Однако поменѣе мужества врядъ ли не пріятнѣе было бы Чинамъ и Епископамъ. Чтобъ только выиграть для себя, сколько возможно болѣе, старались они придать высокую цѣну доброй своей волѣ, и со всеусердіемъ понуждали меня къ принятію короны, надѣясь, что въ упоеніи радости, не отвергну я тѣхъ условій, какія выдуманы ими были для ихъ собственнаго возвеличенія и обогащенія.

Тутъ я согласился, чтобъ о томъ предложено было во всенародномъ собраніи. Выступилъ ораторъ и, возвеличавъ мои подвиги и добродѣтели, прибавилъ, что Швеціи нуженъ Король, и что нѣтъ никого къ тому достойнѣе меня; потому и должны разсудить Чины, могу ли я и съ какими условіями быть Королемъ. Но сердечный порывъ народа не далъ ему договорить. Спокойно слушали дѣланныя мнѣ похвалы; но едва произнесено было, что я достоинъ быть Королемъ, какъ воздухъ застоналъ отъ громкихъ восклицаній: „да, Король, Король нашъ герой, отецъ нашъ, избавитель, Густавъ Эрикзонъ, нашъ Король! Хвала, хвала и долголѣтіе!“ — и всѣ

присщупили и требовали, чтобъ имъ показали ихъ Короля, хватали одежду мою, цѣловали ее; совсѣмъ чуждые другъ другу обнималися съ радостными слезами, и какъ бы щедро одаренные на всю жизнь, какъ бы получившіе доступъ ко вратамъ небесъ ошъ дворянъ и Епископовъ, восторженные поселяне и граждане обхватывали ихъ и цѣловали.

Есть что-то великое, друзья мои, сдѣлаться предметомъ любви и обожанія народа, съ увѣренностью, что эта любовь пріобрѣтена заслугами!“

Старый Король умолкъ, и гости въ глубокой задумчивости смотрѣли каждый передъ собою. Спустя нѣсколько минутъ, Густавъ продолжалъ:

„Я расказалъ вамъ, что́ для спасенія Швеціи, для моего счастія и моей славы сдѣлано было щедростію купцевъ, храброю рукою солдатъ, патріотическою отважностію дворянъ и постояннымъ усердіемъ союзниковъ. Но не полна была бы рѣчь моя, когда бъ умолчалъ я о заслугахъ служителей церкви во время моего правленія.

Народъ громко и великодушно провозгласилъ меня Королемъ, и всѣ благоговѣли предо мною безъ сопротивленія. Тутъ предстали мнѣ Епископы и стали говорить,

весьма назидательно, о томъ, сколь необходимо возвести благословеніе Божіе на державную главу мою, посредствомъ коронованія отъ освященныхъ рукъ ихъ. По своему обычаю; принялъ я предложеніе скоро, безъ околичностей; но святые мужи, видя равнодушную готовность мою, не опустили намекнуть о дачахъ и привиллегіяхъ въ пользу церквей и Чиновъ. Я помнилъ тѣ времена, когда пастыри и дворяне наперерывъ терзали по клочкамъ Королевскую мантію, и замѣтилъ, что хочется имъ добытое моимъ мужествомъ и кровію народа распредѣлить большею частію, какъ добрую находку, по монастырямъ и замкамъ ихъ. Посему-то я отклонилъ это дѣло, подъ предлогомъ, что осада Стокгольма требуетъ личнаго моего присутствія.

Вскорѣ Стокгольмъ палъ и Швеція сдѣлалась моею. Возсѣвъ на престолъ моего отечества, я долженъ былъ вникнуть въ дѣла его съ царскою заботливостію. Тогда-то стало разрываться сердце мое, ибо во всемъ Государствѣ увидѣлъ я безпорядки, опустошенія и бѣдность. Своимъ и чужимъ солдатамъ требовалась плата, а въ сокровищницѣ было пусто и народъ стоналъ подъ ярмомъ налоговъ. Если бъ я сталъ ходить и въ дряномъ полукафтаньѣ, какъ въ

ну пору, когда явился предъ купеческимъ собраніемъ, если бъ жилъ не богаче Даларнійскаго мужика, и тогда не скопилъ бы я, сколько мнѣ было нужно.

Между тѣмъ видѣлъ я пышность Епископовъ, блескъ и богатство церковныхъ ушварей; принималъ участіе въ роскошныхъ пирахъ, въ честь мою устрояемыхъ, и думалъ про себя, неуже ли на то есть воля Божія, чтобы Его служители утопали въ нѣгѣ, а народъ томился, и пріятно ли Ему благолѣпіе дома Его, когда селянинъ едва можетъ выстроишь себѣ хижину? Какъ мнѣ показалось, что это не можетъ быть угодно Богу и что не будетъ противно Ему, если избыткомъ Его служителей отвращена будетъ нищета въ Государствѣ, то я призвалъ къ себѣ Епископовъ и потребовалъ отъ нихъ нѣкоторой части ихъ сокровищъ. Святые отцы перепугались и горько жаловались на свою бѣдность. Я былъ спокоенъ и напомнилъ, что лучше подавать народу примѣръ добродѣтели, нежели выманивать у него послѣднія крохи и пристыжать его любострастіемъ. Тутъ прозвали меня еретикомъ и бѣшеный Брускъ Линкопингскій открыто взывалъ къ возмущенію.

Тогда появился ученый и смиренный Олай Петри изъ Виттенберга. Онъ разсказалъ мнѣ объ ученіи Лютеровомъ — говорилъ такъ скромно и умно, что я никакъ не могъ запретить ему вразумлять и наставлять другихъ, какъ онъ меня вразумилъ и наставилъ. Это раздражило монаховъ и духовенство еще болѣе; повсюду бѣгали они и языками злобы, какъ горящими головнями, распаляли противъ меня умы народа; изъ прежде бывшаго избавителя, провозглашенъ я былъ, съ церковныхъ каѳедръ, врагомъ Божіимъ и порожденіемъ дьявольскимъ.

На все это не обращалъ я вниманія, и тѣмъ еще болѣе склонялось мое сердце къ умному и кроткому Олаю. Пускай они бѣснуются, думалъ я, тебя хранитъ любовь твоего народа. Однако ядовитое бѣшенство пастырей нашло средство уязвить меня въ самой глубинѣ моего сердца. Отважные, вѣрные Даларнійцы, которыхъ нѣкогда состраданіе ко мнѣ и къ утѣсненному отечеству одушевило къ такимъ подвигамъ — которыхъ пособіе возвело меня на престолъ, вдругъ возмущены были ими. Въ тѣ долины, обитателей которыхъ ежедневно благословлялъ я въ благодарной душѣ, тяжкій долгъ принуждалъ меня вести воору-

женныя толпы для усмиренія. Презрительнѣйшимъ, Богомъ отвергнутымъ злодѣемъ казался я тѣмъ, которые нѣкогда считали меня въ Морѣ ниспосланнымъ отъ неба избавителемъ. Хотя еще разъ послушались они моего голоса и не нужно было прибѣгать къ оружію, чтобъ укротить ихъ; но какъ раздраженные пастыри не престали подстрекать и ослѣплять ихъ простодушія, то Даларнійскія долины снова наполнились ужасами мятежа. Тогда почувствовалъ я, что корона, которая должна быть подкрѣпляема молитвами и ученіемъ служителей церкви, не должна быть подчинена правамъ ихъ и силѣ. Я созвалъ Чиновъ своего Государства, и объяснилъ имъ свои мысли.

Благородные господа и мужи Швеціи, говорилъ я: вы избрали меня Королемъ, да властвую надъ народомъ вашимъ во благо его. Но гдѣ Епископы и монахи, во имя Го́спода, высасываютъ области и пользуются простодушіемъ вѣрныхъ подданныхъ на возмущеніе ихъ противу Государя, тамъ не можетъ преуспѣвать благо народное — не можетъ и Король, хотя бы смысломъ и мудростію подобный ангеламъ, исполнять своего долга. Я хочу, чтобъ сіи, корыстолюбивые, безпокойные пастыри, удалились

отъ насъ. Хочу, чтобъ у новаго Густава Тролле отнята была власть устроять гибель отечеству. Хочу, что бы пышность и блескъ церковный исчезли изъ страны обѣднѣвшей. Хочу, чтобъ мы повиновались не уставамъ Римскаго Двора, а единственно Слову Божію и истинѣ. Хочу сего во имя Господа и ко благу моего народа.

Но сей слѣпой народъ, орудіе раздраженнаго духовенства, заноситъ мечъ на человѣка, которому самъ въ Стрегнесѣ вручилъ единодушно корону. Благородные господа и мужи Швеціи! не хочу я долѣе носить короны, которая дѣлаетъ меня ненавистнымъ народу, не давая возможности приносить ему пользу. Отрекшесь отъ Папы, изгоните власть его на вѣчныя времена и покоритесь, именемъ Швеціи, Евангельской истинѣ. Вы первенствуете въ народѣ; съ вашею помощію могу и хочу я властвовать и возвеличить Швецію, сдѣлать ее счастливою. Если моя воля не противна вамъ, то произнесите сіе торжественно, съ силою закона, вѣчно неизмѣннаго. Если жъ вы несогласны со мною, то возмите у меня корону, въ которой нѣтъ могущества и чести, возмите ее назадъ и возвратите мнѣ мое родительское наслѣдіе, которое отдалъ я на освобожденіе своего

отечества. Въ дальнія страны удалюсь я тогда, и постараюсь забыть народъ, который былъ мною любимъ, которому всѣмъ я пожертвовалъ — который меня боготворилъ, а спустя мало времени, преслѣдуетъ съ поруганіемъ и ненавистью.

Сказавъ это, всталъ я и ушелъ къ себѣ во дворецъ. Четыре дня оставался я тамъ взаперти; со мною небольшое число благородныхъ и вѣрныхъ служителей. Да, признаюсь, то были горестные для меня дни. Бога призываю въ свидѣтели, что я не искалъ престола Швеціи, какъ знака отличія, который вывѣшивается на панцырѣ храбраго, въ узнаніе свѣту о его подвигахъ; онъ посланъ мнѣ былъ отъ Бога и любви Швеціи, какъ драгоцѣнный подарокъ, и я клялся Богу и Швеціи украсить его добродѣтелями и заслужить новыми благодѣяніями. И вдругъ остался я въ уединенной комнатѣ, лишенный чести, какая подлежитъ добродѣтели, лишенный могущества дѣлать добро моему народу; вкругъ меня мятежъ; во мнѣ ожиданіе презрительнаго слова отъ тѣхъ людей, для которыхъ, можетъ быть, суевѣріе священнѣе Вѣры, и которыми личная значительность цѣнится выше народнаго блага! О, по истинѣ, мнѣ было легче

въ рудникахъ Даларніи, легче въ ризницѣ Священника Іоанна!

Въ собраніи Чиновъ, прежде всѣхъ началъ рѣчь зять мой Туре Язонъ. Дерзновеннымъ и пагубнымъ назвалъ онъ мое намѣреніе, наглымъ нововведеніемъ ученіе Люшера. Католическую же церковь святилищемъ, съ которымъ связано земное благо и блаженство небесное. Хотя Швеція, говорилъ онъ, теряетъ во мнѣ мужественнаго, храбраго Государя, но самое дѣло: разстройство всего царства и возмущеніе вѣрныхъ Даларнійцевъ, доказываетъ недостатокъ во мнѣ царской мудрости; что до него касается, онъ никогда не согласится на мои требованія и пребудетъ по конецъ дней вѣренъ той религіи, которая одна въ состояніи низвести на него благость небесъ.

Это мнѣніе было ясно, и кто бы могъ противорѣчить ему, когда тотъ, кого природа назначила моимъ защитникомъ, первый возсталъ противъ меня? Много и съ жаромъ было говорено *за* и *противъ*, но ничто не вело къ цѣли. Епископы не щадили хитрыхъ уловокъ. Туре Язонъ торжествовалъ и говорилъ все громче и сильнѣе; друзья мои робѣли и умолкали.

Наконецъ въ четвертый день предсталъ собранію Эрикъ Тролле, который прежде

молчалъ. Никогда не искалъ онъ моего благоволенія, и былъ, по дядѣ своемъ, отдаляемъ и надзираемъ мною.

„Благородные господа и братья!“ сказалъ онъ. „Вы знаете мое имя и то, что Густавъ Тролле мой дядя. Стуры были прежде врагами нашего дома, теперь Ваза. Никогда я не ласкательствовалъ ему, никогда онъ меня не приманивалъ. При всемъ томъ, если Шведы не хотятъ покориться чуждой власти, если они могутъ и должны имѣть Короля, то никто другой не можетъ и не долженъ быть имъ, кромѣ Густава Эрикзона, спасителя, котораго благодарный народъ провозгласилъ Королемъ въ Стрегнесѣ. Онъ не только храбрѣйшій, но мудрѣйшій, и я думаю, самый лучшій между нами. Я отрекаюсь отъ Папы и покаряюсь волѣ Короля, какъ силѣ Государственнаго закона, на вѣки!

Изумленіе, благородное умиленіе объяло другихъ. Никто уже не думалъ о своей личности; кромѣ Туре Янзона, всѣ возчувствовали, что когда рѣчь идетъ о благѣ народа, всякій долженъ мыслить, какъ Эрикъ Тролле. Тотчасъ заключили, Папскую власть изгнать навѣкъ изъ Швеціи, а Евангелическое ученіе сдѣлать господствующею въ Государствѣ Религіею. Одинъ изъ привер-

женныхъ мнѣ пришелъ къ замкнутой двери дворца моего и принесъ извѣстіе. Черезъ нѣсколько минутъ, явились первѣйшіе Чины, и объявили мнѣ согласіе на мою волю, и желаніе, чтобы я предсталъ въ ихъ собраніе Королемъ, и съ полною властію ввелъ новый законъ.

Тогда-то сдѣлался я Королемъ, не въ бурѣ благодарности и радости, а уваженіемъ одного благороднаго врага. Чѣмъ я тогда сдѣлался, тѣмъ и остался; ни Даларнійцевъ фанатическое броженіе, ни Христіерновы нападенія, ни высокомѣріе Любчанъ, ни коварное бѣшенство Епископовъ, ни вѣроломство Туре Янзона, не могли уже поколебать короны, которою обязанъ я заслугамъ, и которую доселѣ столь же достойно несъ, какъ и принялъ ее.

Вы Шведы; я старъ — жестокимъ никогда не бывалъ, да и смерть вскорѣ сняла бы съ васъ бремя моего неблаговоленія. Говорите, если хотя что нибудь сказано мною несправедливо!“

Всѣ въ почтительномъ безмолвіи взирали на стараго героя, истощеннаго заботами и трудами, согбеннаго лѣтами, который въ сіе мгновеніе выпрямился и сталъ, какъ нѣкогда юношею, призывая къ сраженію своихъ воиновъ, и подобно небес-

ному огню, блистало изъ глазъ его чувство собственной силы и добродѣтели.

„И такъ," говорилъ онъ далѣе: „знайте же: не остроуміемъ школьныхъ мудрецовъ, не Любскимъ золотомъ, не опытнымъ мечемъ старыхъ солдатъ, не мужествомъ и великодушіемъ дворянства, не усердіемъ союзниковъ, не помощію кровнаго родства, спасена Швеція и основанъ престолъ мой. Нѣтъ! это сдѣлано добродушіемъ Баннера, честностію Николая, великодушною преданностью Ивара Нельсона, состраданіемъ Имгарды, отважностію и благоразуміемъ Іоанна, благородствомъ Тролле и мужествомъ, преданностью моего грубаго, но славнаго народа. И для чего мнѣ молчать при этихъ сѣдинахъ, и съ утомленными, готовыми скоро смежиться глазами? Цѣлый народъ былъ сорокъ лѣтъ свидѣтелемъ моей жизни; я не захочу кончить ее нелѣпымъ хвастовствомъ. Да, вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ Богу. — "

Тутъ старый Король возвелъ съ умиленіемъ глаза свои къ небу, и нѣсколько минутъ безмолвствовалъ.

„Вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ Богу питалъ я въ себѣ тотъ царскій, доблестный духъ, который въ юности подвизалъ меня

къ благороднымъ дѣламъ, въ зрѣломъ возрастѣ возложилъ съ честію корону на главу мою, и теперь, въ старости, кротко и радостно низводитъ меня въ могилу. Онъ-то давалъ мнѣ мужество среди опасностей, твердость въ несчастіи, благоразуміе въ счастіи; онъ-то причаровывалъ друзей, гдѣ мнѣ грозила опасность, имъ основалась власть моя надъ сердцами, чрезъ него получалъ я вѣрныхъ слугъ, и даже враговъ моихъ обращалъ онъ на вспоможеніе мнѣ.

И такъ, Эрикъ, основывай власть твою не на золотѣ, стрегомомъ скупостію, не на храбрости, продажной тщеславію и любостяжанію, не на высокой породѣ, которая уязвляется завистію и унижается эгоизмомъ, не на союзникахъ, которые не любятъ вдаваться въ опасности, но не упускаютъ требовать себѣ награды, ниже на всеобщемъ восторгѣ и любви народа, котораго простота поддается внушеніямъ хитрости проклинать сегодня то, что благословляла вчера! Въ тебя самомъ блескъ и сила твоей короны! Будь Королемъ твердостію духа и добродѣтелью. Тогда любовь и уваженіе созиждутъ престолъ твой, и никакая вражья сила не поколеблетъ его. Отъ высокаго всегда въ зависимости низкое, къ истинному ве-

личію прилѣпляется всякій охотно, и благо, во вѣки благо Царю, въ которомъ народъ почитаетъ лучшаго изъ мужей своихъ!“

Такъ говорилъ державный старецъ, и сложа руки, возвелъ опять къ небу глаза свои; и долго оставался онъ погруженъ въ священную задумчивость, потомъ вдругъ поспѣшно поднялся и пошелъ твердою стопою, подобно юношѣ, въ свой ближній покой. Въ изумленіи взирали въ слѣдъ ему гости. Но лихорадка съ большею силою потрясла его. Уже не вставалъ онъ съ одра своего, и чрезъ нѣсколько дней заключилъ свое поприще.

2.

СВѢТЪ ГАРЕМА (1).

(Изъ Томаса Мура.)

Кто не слыхалъ о долинѣ Кашемирской, о ея розахъ, прелестнѣйшихъ въ мірѣ (2), ея храмахъ, прохладныхъ пещерахъ,

---

(1) Нурмагалъ, имя героини сей Повѣсти, значитъ Свѣтъ Гарема. Ея послѣ назвали Гургханъ, т. е. Свѣтъ міра.

(2) Нѣжный цвѣтъ и отмѣнный запахъ Кашемирской розы вошли въ пословицу на Востокѣ. (*Форстеръ.*)

источникахъ, столь же свѣтлыхъ, какъ очи милыхъ красавицъ, которыя любятъ смотрѣть на ихъ воды прозрачныя?

Пріятно видѣть сію долину при закатѣ солнца, когда прекрасный, весенній вечеръ льетъ на озеро послѣдній свой свѣтъ; такъ юная супруга закраснѣется, бросивъ послѣдній взглядъ на зеркало, и пойдетъ тихими шагами къ ложу брачному.

Сквозь зелень деревъ видны разные храмы, и всякая вѣра освящаетъ сей часъ особымъ своимъ служеніемъ. Здѣсь слышишь набожный крикъ Муецына, раздающійся съ вершины минарета; тамъ — Магъ колеблетъ свою кадильницу, наполненную благовоніями; далѣе — прелестная Баядерка потрясаетъ у Индійскаго жертвенника свой поясъ, снизанный изъ колокольчиковъ, издающихъ сладостные звуки (3).

Прекрасна долина сія и въ часы ночи, когда блѣдный свѣтъ луны томно отсвѣчиваетсся на ея дворцахъ, садахъ и храмахъ, когда водопады блещутъ, какъ падающія звѣзды, и умильная пѣснь соловья перерываетсся шумнымъ веселіемъ и рѣзвою пляс-

---

(3) „Она опоясала свое тѣло поясомъ изъ колокольчиковъ, которые звенѣли, какъ восхитительная музыка.“ (*Пѣснь Яйадевы*).

кою молодыхъ любовниковъ, кои собираются подъ сводами деревъ, дышащихъ прохладою.

Люблю долину Кашемирскую и въ часъ разсвѣта, когда волшебная прелесть луча утренняго открываетъ намъ съ каждымъ мигомъ новыя чудеса, когда верхи горъ, кровы зданій и свѣтлые источники, вдругъ выходя изъ мрачности, кажутся какъ бы твореніемъ солнца. Геній аромашовъ пробуждается вмѣстѣ съ денницею и вылетаетъ изъ своего гарема цвѣтовъ; непостоянный, игривый вѣтерокъ съ любовію лобзаетъ юныя осины, коихъ трепещущій листъ плавно колеблется (4). Востокъ загарается, какъ сердце юноши, отдающееся первымъ надеждамъ, и день, развивъ свое знамя свѣта, выходитъ изъ великолѣпныхъ вратъ, образуемыхъ горами сей счастливой долины (5).

Но, освѣщенная ли слабыми лучами луны, или яркимъ блескомъ солнца, освѣженная ли росою весеннею, или богатая сокро-

---

(4) Малые островки Кашемирскаго озера усѣяны кустарниками и широколиственными осинами. (*Бернье*).

(5) Тукгъ-Сулиманъ, имя, которое Магомешане даютъ сей возвышенности, представляетъ надъ озеромъ половину огромныхъ воротъ. (*Форстеръ*).

вищами лѣта, — никогда долина Кашемирская не является столь прекрасною, какъ въ это счастливое время. Все въ ней любовь и свѣтъ: здѣсь покоящся въ день сладкимъ отдыхомъ; ночь проводятъ въ забавахъ. Улыбка оживляетъ всѣ лица, всѣ сердца предаются радости. . . нынѣ долина празднуетъ веселый праздникъ розъ (6). Удовольствія стекаются отовсюду, и сердца для нихъ раскрываются, какъ роза, теперь цвѣтущая, роза столистственная (7), когда она принимаетъ въ роскошную свою чашечку благовонную росу утра.

Наступилъ вечеръ и освѣжилъ сребристую поверхность озера, солнце скрыло жгущій свой ликъ за пальмами Барамульскми (8); юныя дѣвы начинали оставлять свои узорныя ложа, на которыхъ онѣ покоились во время зноя дневнаго, и сходились играть при свѣтѣ лунномъ. Онѣ бѣгали по долинѣ подобно рою пчелъ, съ жужжаніемъ летающему по высотамъ Белы (9), когда

---

(6) Праздникъ розъ продолжается во все то время, когда онѣ въ цвѣту. (См. Pietro d'Havalle).

(7) Гуль-сад-беркъ, столистственная роза; кажется, это особый родъ. (*Узлей*).

(8) *Берне.*

(9) Мѣсто, упоминаемое въ Тузекъ-Джехангири,

шафранъ расцвѣтаешь. Тысячи свѣтильниковъ мелькали по рощамъ и просѣкамъ острова; тысячи свѣтлыхъ лампъ горѣли на домахъ и минаретахъ; сады и тропинки были освѣщены столь яркимъ свѣтомъ, что можно было видѣть малѣйшіе листочки розы, размешанные по землѣ. Вошъ юныя дѣвы и ихъ матери сняли покрывала; повсюду встрѣчаешь очи восхитительные, и даже иногда такія лица, кои не осмѣливались бы показаться при дневномъ свѣтѣ, но теперь мыслятъ нравиться въ сумракахъ ночи. Онѣ свободно гуляютъ, повторяя, что никогда праздникъ розъ не былъ такъ веселъ, никогда луна не разливала такого чистаго свѣта, цвѣты не блистали такими яркими красками, сами онѣ не были столь прекрасны. Онѣ удивляются обилію розъ; казалось, что роскошнѣйшіе цвѣтники принесли сюда лучшіе цвѣты свои. Само озеро дышетъ благовоніями, подобно саду, отъ прелестныхъ цвѣтковъ, висящихъ надъ его водами, какъ будто бы дождь изъ цвѣточныхъ гирляндъ упадалъ съ неба.

Весело повторяетъ эхо звуки бубновъ и мѣрный шумъ легкихъ шаговъ подъ нихъ

или въ запискахъ Джехангира. Въ сихъ же запискахъ говорится о шафрановыхъ постеляхъ.

плящущихъ; муецыны поютъ пѣсни праздненства на высокихъ галлереяхъ минаретовъ, восхитительные голоса отвѣчаютъ имъ изъ ближняго гарема радостными зиралитами (10). Далѣе слышенъ громкій смѣхъ молодой Кашемирянки, которая взлетаетъ на шелковыхъ качеляхъ выше деревъ померанцовыхъ. Въ палаткахъ (11), стоящихъ по обѣимъ сторонамъ дорогъ, малыя дѣти, не боясь угрозъ наставника или машери, борются, бросаясь другъ на друга съ ковровъ розовыхъ. Какіе звуки несутся съ середины озера! Всѣ говорятъ тихо другъ съ другомъ на челнокахъ, скачущихъ по волнамъ при свѣтѣ лунномъ; мѣрное движеніе легкихъ веселъ мѣшается съ воздушнымъ ропотомъ, слышимымъ по рощамъ и вокругъ острововъ; кажется, что сіи берега, подобно берегамъ Кашая, отвѣчаютъ сладостными звуками лобзанію каждой волны (12).

---

(10) У женщинъ на Востокѣ, есть обыкновеніе, заставлять муеццына пѣть на галлереѣ ближняго минарета, который для сего освѣщается; на пѣснь сію время отъ времени отвѣчаютъ *зиралитомъ*, или веселымъ хоромъ. (*Буссель*).

(11) „Во время праздника розъ, во всѣхъ мѣстахъ разбиваются палатки, и мы видѣли толпы мужчинъ, женщинъ и проч.“ (*Герберт*ъ).

(12) Одинъ старинный истолкователь Шу-Кинга,

Но изъ всѣхъ сихъ звуковъ сладостнѣйшіе, какъ бы украдкою, срываются съ лютны возлюбленнаго юноши, который знаетъ всю силу лютны и вздоха въ сей часъ очарованій. Наслажденіе восхитительнѣйшее: быть подлѣ дѣвы любимой! Какое пріятное изступленіе чувствуетъ, кто можетъ, при таинственномъ свѣтѣ луны, передавать вздохи свои лютнѣ на тихомъ озерѣ, сидя рядомъ съ подругою сердца!

Если женщина можетъ содѣлать для насъ безцѣннымъ уединеніе пустынное, то въ какой рай превращаетъ она долину Кашемирскую!

Такъ думалъ сынъ Акбаровъ (13), когда, удаляясь отъ власти, пышности и торжествъ побѣдныхъ, пришелъ въ сію долину забыть все свое величіе съ Свѣтомъ Гарема, юною Нурмагалъ. Свободный отъ всѣхъ суетъ дворскихъ, завоеватель бродилъ по берегамъ озера съ своею милою; вѣнки, которые она, рѣзвая, плела подъ сѣнями цвѣтущими, казались ему дороже вѣнца побѣд-

говоритъ, что древніе, замѣтивъ, что каждый прибой воды отдавался въ скалахъ береговъ, какъ музыка, были восхищены сими звуками и взяли нѣсколько камней, изъ которыхъ они сдѣлали музыкальные инструменты. (*Грозье*).

(13) Джеханґиръ былъ сынъ великаго Акбара.

наго, и въ сердцѣ своемъ онъ отдалъ бы престолы міра за одну изъ кудрей, падавшихъ на прелестную, бѣлую грудь Султанши.

Есть красота, всегда одинаковая и всегда ослѣпляющая, которая, какъ продолжительное сіяніе дня лѣтняго, неизмѣняемое никакою тѣнью, никакою счастливою противоположностью, усыпляетъ любовь однообразіемъ своего блеска. Не сія красота разливала очарованія свои на лицѣ юной Нурмагалъ; но прелесть всегда новая, которая, какъ лучъ, разгоняющій легкія тѣни осеннія, никогда не останавливается въ своенравномъ своемъ разнообразіи, одушевляя поперемѣнно уста, ланиты и взоры; минутно скрываясь въ облакѣ, и вдругъ потомъ блеснувъ, какъ тѣ мерцанія небесныя, которыя восхищаютъ любимца неба въ его снахъ пророческихъ.

Задумывалась ли Нурмагалъ? казалось, что сія прелесть, драгоцѣнный талисманъ, была всегда напечатлѣна въ чертахъ лица ея; если веселость ея измѣнялась (и подъ самымъ благословеннымъ небомъ, легкіе Зефиры колеблютъ иногда цвѣты на ихъ стебелькахъ), нетерпѣливость Нурмагалъ, минутный гнѣвъ ея, какъ бы пробуждали въ ней новыя красоты, подобно цвѣтамъ, раз-

ливающимъ пріятнѣйшій запахъ, когда вѣ-терокъ ихъ колышетъ. Предавалось ли сердце ея нѣжнымъ волненіямъ? Въ черныхъ глазахъ ея свѣтились небеса; огонь чувствъ вырывался изъ сихъ глазъ, какъ святыя откровенія выходятъ изъ святилища храма; но веселость ея одушевлялась рѣзвостью и живостью, и вдругъ вылетала, какъ птичка весенняя. Игривая, какъ Пери, когда ея клѣтка отворена (14), Нурмагалъ могла бы однако жъ плѣнить самаго мудреца умомъ своимъ. Наконецъ, улыбка, полная жизни, улыбка, внушенная любовью и кротостью, была выраженіемъ души ея; нельзя было разгадать, что болѣе всего она украшала въ лицѣ красавицы? Такъ озеро струится въ кругахъ пріятныхъ и оживляется отъ лучей солнца, когда легкій вѣтерокъ пробѣжитъ по водамъ его зеркальнымъ.

Сими несравненными прелестями Нурмагалъ наложила оковы на гордаго побѣдителя Востока. Сколь ни пышенъ былъ его

---

(14) Въ войнахъ у Дивовъ съ Пери, когда первые брали въ плѣнъ послѣднихъ, то запирали ихъ въ желѣзныя клѣтки и привѣшивали къ высокимъ деревьямъ. Подруги плѣнныхъ Пери прилетали съ ними повидаться и приносили имъ лучшія благовонія. (*Ричардсонъ*).

*

гаремъ, живой цвѣтникъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ нашего шара (15), хотя сокровища, въ немъ заключавшіяся, самимъ Соломаномъ были бы предпочтены всѣмъ богатствамъ, несомымъ кораблями его отъ береговъ Офира, — но чья улыбка могла сравняться съ ея улыбкою? Юная Нурмагалъ была Свѣтъ Гарема.

Но что дѣлаетъ она въ сію ночь радостей, когда удовольствіе — цѣль всѣхъ сердецъ? Гдѣ Султанша любимая, когда все, что блистаетъ здѣсь очамъ удивленнымъ, кажется обольстительною мечтою сна? Такъ! если бы кто пришелъ случайно въ эту счастливую ночь на долину Кашемирскую, тотъ почелъ бы себя перенесеннымъ въ *градъ утѣхъ* (16) страны очарованій, котораго дворцы и башни сложены изъ перловъ, свѣта дневнаго и цвѣтовъ. Когда веселіе сзываетъ юныхъ красавицъ, гдѣ же прекраснѣйшая скрыла грусть свою?

---

(15) На Малайскомъ языкѣ одно и то же слово значитъ цвѣтокъ и женщину.

(16) Столица Шидукіама, т. е. *страны счастія*, (такъ называется одна область Королевства Джиннистана, или царства Фей). Столица сія есть городъ Алмазовъ. Амберабадъ — другой городъ Джиннистана.

Увы! какъ часто малѣйшая причина можетъ посѣять раздоръ между нѣжными любовниками! Сердца, вопще искушаемыя свѣтомъ и еще крѣпче связанныя бѣдствіемъ, сердца, успоявшія въ волненіяхъ на бурномъ морѣ жизни, заблуждаются въ день тишины и счастія, подобно кораблямъ, поглощаемымъ волнами, когда небо ясно и безоблачно.

Что-то столь же легкое, какъ воздухъ, одно слово суровое, или худо истолкованное, короче одно дуновеніе, часто потрясало любовь, непотрясенную дотолѣ порывами бури; слова, еще суровѣйшія, скоро довершатъ разрывъ сердецъ, начатый съ одного слова. Очи забудутъ тѣ нѣжные взоры, которыхъ они искали въ улыбающіеся дни первыхъ волненій любви, и голосъ потеряетъ тотъ сладостный звукъ, который придавалъ столько пріятности всему сказанному. Мало по малу очарованія любви исчезнутъ, и сердца, тѣсно между собою связанныя, будутъ подобны облакамъ, силою разорваннымъ, или источнику, игриво выбѣгающему изъ нѣдръ горы, какъ будто бы волны его никогда не должны разлучиться; но еще не достигъ онъ долины, а уже дѣлится на многіе ручьи, которые вѣчно не сольются.

О вы, хотящіе удержать любовь! удерживайте ее въ цѣпяхъ изъ цвѣтовъ, такъ какъ она видима въ жилищѣ блаженствъ (17), не упускайте ни одного узла и не давайте ей владѣть крыльями: одинъ часъ, одна минута бѣгства, лишила бы ея перья половины ихъ блеска. Такъ птица небесная, вьющая гнѣзда въ дальныхъ странахъ Востока, блистаетъ крыльями, когда сидитъ на мѣстѣ, но летая, лишается своего блеска (18).

Такое легкое, но опасное несогласіе, мигомъ разрывающее цѣпи двухъ нѣжныхъ сердецъ, поселилось между Султаномъ и его любезною: это одна тѣнь въ ясную погоду любви; но сіе малое облачко можетъ породить громъ. Таково облако, лежащее на сердцѣ Султана и побудившее его изгнать отъ очей своихъ Свѣтъ Гарема. Отъ сего-то, въ эту ночь счастливую, когда веселія спешились на лугахъ и въ рощахъ, когда каж-

---

(17) См. Описаніе Эроша Восточныхъ народовъ, опутаннаго цвѣточными гирляндами, въ книгѣ: Les cérémonies religieuses des Orientaux, par Pieurt.

(18) Между птицами Тонкина есть особаго рода щегленокъ, поющій такъ пріятно, что его назвали небесною птичкою. Когда онъ сидитъ, то крылья его кажутся составленными изъ множества яркихъ красокъ, но какъ скоро полетитъ, то сего блеска непримѣтно. (*Грозье*).

дое сердце нашло свое, — сынъ Акбаровъ, унылъ и одинокъ, бродишъ далеко отъ всѣхъ съ своею грустію, подобно птицѣ Ѳракійской, ненаходящей мѣста къ успокоенію (19). Напрасно являются ему лица самыя миловидныя, глаза самые прелестные, раждаемые симъ земнымъ раемъ, — онъ не находишъ въ нихъ прелести; напрасно сіе жилище богато тысячьми цвѣтовъ различныхъ: что нужды до нихъ соловью, когда между ними нѣтъ милой его розы (20)? Красавицы долины съ улыбкой и поклономъ подходятъ къ своему Государю; улыбка подруги его сердца дороже для него всѣхъ почестей міра: онъ есть звѣзда чтимая; а она небо, дающее сей звѣздѣ весь блескъ ея.

Отъ того жъ, среди всей пышности, Нурмагалъ удаляется отъ празднества и сидишъ одна въ своей рощицѣ; нѣтъ при ней другой подруги для утѣшенія, кромѣ дѣвы вдохновенной, чародѣйки Намуны. Мно-

---

(19) Этихъ птицъ Босфорскихъ никогда не видывали сидящихъ; и потому Французы называютъ ихъ *отверженными душами* (les âmes damnées). (Dalloway).

(20) „Предлагай соловью корзины цвѣтовъ и травъ благовонныхъ: это сердце вѣрное ничего не пожелаетъ, кромѣ сладкаго запаха своей розы-любимицы.“ (*Джами*).

гіе вѣки проходитъ солнце по златымъ стезямъ неба, и никогда еще не видѣло оно румянаго лица ея, оживленнаго такою свѣжестью и юностью; и даже, подобно какъ вздохъ западнаго вѣтра украшаетъ цвѣтокъ, на который онъ повѣетъ, такъ быстрое время, кажется, оставляетъ на бѣгу своемъ Намуну еще прекраснѣе: но въ улыбкѣ ея видна какая-то тайная грусть, и когда она вѣщала о мірахъ невидимыхъ, изъ черныхъ очей ея выражался свѣтъ столь чудный, что всѣ, ей внимавшіе, не сомнѣвались въ томъ, что Намуна есть дочь геніевъ.

Она знала всѣ талисманы и всѣ чары, отъ великаго Мантры (21), сзывавшаго всѣхъ выспреннихъ духовъ воздуха, до златыхъ камней Африканскихъ (22), которые кочевый Арабъ привязываетъ къ рукѣ своей, дабы защититься отъ злыхъ козней Силшима (23). Какъ ни была она свыше людей, но знала, чего стóитъ лишиться милаго

(21) Сказываютъ, что она нашла великій Мантру, талисманъ, давшій ей власть управлять стихіями и духами всѣхъ степеней. (*Вильфордъ*).

(22) Золотые камни Джинійскіе, которые, по причинѣ волшебной своей силы, Арабами названы *Езль-Херре*. (*Джаксонъ*).

(23) Злой духъ, живущій въ лѣсахъ и принимающій видъ человѣка. (*Ричардсонъ*).

сердцу; она поклялась силою своей науки, найти очарованіе, которое возвратитъ Нурмагалѣ улыбки Селимовы (24).

Была ночь... Сквозь зеленую сѣнь, увѣнчанную козелистственникомъ, тьмы благовоній разливались отъ сихъ растеній, которыя бодрствуютъ тогда, когда другія спятъ. Такъ смиренные цвѣтки ясмина скрываютъ днемъ сладкій запахъ въ скромныхъ своихъ чашечкахъ; но едва солнце закатится, повѣряютъ сей скрытный залогъ вѣшеркамъ, вкругъ нихъ порхающимъ.

Намуна воскликнула: „вотъ часъ, проливающій тайныя очарованія на мураву и на цвѣты: теперь можно сплести вязь цвѣточную, которая, бывъ положена на чело уснувшаго, явитъ ему во снѣ картины восхитительныя и виды чудесные. Таково очаровательное зрѣлище, коему дивятся духи солнца, когда играютъ вечеромъ въ золотыхъ шатрахъ своихъ, пока сумракъ не изгладитъ одно за другимъ ихъ жилищъ, составленныхъ изъ лучей свѣта.

„Могу сплести вѣнокъ изъ цвѣтовъ, на которыхъ луна покоила свое зыблющееся сіяніе. Сей вѣнокъ, носимый тою, кого лю-

---

(24) Селимъ, имя Джехангира до восшествія на престолъ.

бовь оставляетъ, сведетъ съ небесъ какую нибудь Пери, или духа, коего душа составлена изъ запаха цвѣтовъ и вздоховъ любовниковъ, и который можетъ ей сказать... „Вотъ,“ вскричала Нурмагалъ съ нетерпѣливостію: „вотъ такой вѣнокъ, ты совьешь мнѣ въ эту ночь;“ и не медля пустилась, какъ легкая серна, рвать цвѣты, освященные лучами лунными и назначенные къ составленію сего вѣнка волшебнаго. Въ саду томъ расцвѣтали анемоны и *море золота* (25), водяныя лиліи съ цвѣтками лазурными, и тѣ нѣжные цвѣты, которые распускаются въ колчанѣ Камадевы (26): тамъ красовалась тубероза сребровидная, которая въ садахъ Малайскихъ слыветъ *красавицей ночи* (27), потому, что является въ благовоніяхъ и убранствѣ, какъ юная супруга, когда солнце скроется; амарантъ, украшающій чело дѣвъ, бродящихъ въ тѣ-

(25) Гемасагара, или *море золота*. Цвѣты его самаго яркаго золотаго цвѣта. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(26) Сіе дерево (Нагацезара), есть одно изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ, и пріятный запахъ его цвѣтовъ даетъ имъ мѣсто въ колчанѣ Камадевы, божка любви. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(27) Polyanthes Tuberosa. Малайцы называютъ туберозу Сандаль-Маламъ, т. е. *красавицей ночи*. (*Пеннентъ*).

нистыхъ рощахъ Замары (28); бѣлый цвѣтокъ луны, такъ какъ онъ кажется съ высокихъ скалъ Серендиба плавателямъ, проходящимъ близъ острова, чтобъ обонять по вѣтру запахъ гвоздики; словомъ, отъ несравненной Амриты (29), дающей жителямъ небесъ свои плоды безсмертія, до василька (30), колеблющаго благовонные листы свои надъ гробницами и скромнаго розмарина (31), нѣтъ растенія, нѣтъ дерева, которое бы не украшало сихъ садовъ. Юная Нурмагалъ наполнила свою корзинку листьями и цвѣтами ихъ, и возвратясь къ Намунѣ, высыпала на ея колѣна всѣ сіи богатства долины.

---

(28) Жители Баттны, области острова Суматры (коего древнее имя есть Замара), ведутъ, когда у нихъ нѣтъ войны, жизнь самую лѣнивую. Цѣлый день они играютъ на особаго рода свирѣли, украся голову вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, между коими первое мѣсто занимаетъ амаранѳъ. (*Марсденъ*).

(29) Самый пышный и красивый родъ ямбу, или *яблока розы*, называется амрита, или безсмертный; Тибетскіе Теологи даютъ это же имя небесному дереву, носящему плодъ благовонный. (*Сиръ Вилль-Джонсъ*).

(30) Персидскій василекъ, называемый Байнанъ, вообще бываетъ сажаемъ на кладбищахъ.

(31) Розмаринъ и леванда находятся изобильно въ великой степи. (Recherches Asiatiques).

Съ какимъ наслажденіемъ чародѣйка любовалась сими цвѣшками, окропленными тонкою росою свѣтилъ! Взоръ ея выражалъ восторгъ свыше всѣхъ удовольствій человѣческихъ; она почти въ изступленіи наклонилась на сіи цвѣты душистые и впивала ихъ запахъ, какъ будто бы смѣшала свою душу съ ихъ душою. И въ самомъ дѣлѣ ихъ сладостное дыханіе подкрѣпляло ея жизнь чародѣйственную; ибо никто не видѣлъ, чтобъ она вкушала пищу смертныхъ, или подносила къ устамъ своимъ что нибудь земное, кромѣ росы утренней.

Чародѣйка, внезапно вдохновенная, начала свои волхвованія; она сплела вѣнокъ съ таинственнымъ искусствомъ и запѣла сіи слова:

„Я знаю, гдѣ обитаютъ сны крылатые, летающіе вкругъ одра ночнаго. Мнѣ знакомы всѣ растенія, кои во время дня даютъ имъ пристанище въ сосудцахъ своихъ. Поспѣшимъ, юная подруга, поспѣшимъ сплести нашъ вѣнокъ. Завтра ни сновъ, ни цвѣтовъ уже не будетъ.

„Сонъ любви, посѣщающій каждую ночь дѣву стыдливую, выходитъ изъ цвѣтка ясминнаго, который, подобно ей, изливаетъ душу свою въ сумракахъ ночи. Утѣшительный сонъ надежды, летающій надъ челомъ

несчастнаго, выходитъ изъ сребристаго цвѣтка миндальнаго, которому вѣнецъ безлиственная служитъ подпорою (32). Поспѣшимъ же, юная подруга, поспѣшимъ сплести нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣтовъ уже не будетъ.

„Сны, открывающіе очамъ стяжателя ослѣпительный блескъ рудъ подземныхъ, живутъ въ семъ цвѣткѣ горномъ (33), который золотитъ зубы дикаго оленя. Ужасные призраки, устрашающіе убійцу, вырываются изъ сего мрачнаго растенія.... не дотрогивайся до него. Это Мандрагора, испускающая вопли, когда ее рвутъ во мракѣ ночи. Поспѣшимъ, юная подруга! поспѣшимъ сплести нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣтовъ уже не будетъ.

„Сонъ души, терпѣливо сносящей оскорбленія и улыбающейся своимъ мучителямъ, находится въ разбитой корицѣ, которой онъ усиливаетъ благовоніе. Поспѣшимъ же, юная подруга, поспѣшимъ сплести нашъ вѣнокъ! завтра ни сновъ, ни цвѣтовъ уже не будетъ!“

---

(32) Бѣлые цвѣты миндальнаго дерева вырастаютъ на голыхъ вѣтвяхъ. (*Гассельквистъ*).

(33) Трава горы Ливана, о которой говорятъ, будто бы она сообщаетъ желтый цвѣтъ зубамъ козъ и другихъ животныхъ, ее съѣдающихъ.

Какъ скоро вѣнокъ былъ положенъ на голову Нурмагалъ, сонъ спустился на глаза ея, шакъ тихо, какъ пѣни въ ночь лѣтнюю. Въ тотъ же мигъ тиховѣйный вѣтерокъ, столь богатый сладостными звуками, какъ вѣтры, дующіе въ шатры Азаба (34), богаты благовоніями, прокрался въ ея слухъ, подобно какъ ранній Зефиръ утра залетаетъ въ красивыя раковины моря Чермнаго, въ коихъ сама любовь когда-то любила покоиться сномъ (35). Нѣкоторый духъ порхаетъ вкругъ ея, и кажется смѣшеніемъ музыки и свѣта: такъ лучезарны черты лица его, такъ движеніе крылъ его наполняетъ воздухъ сладкозвучіемъ. Въ минуту онъ запѣлъ сіи слова:

„Призванный чародѣйствомъ сего вѣнка, освященнаго сіяніемъ луны, я прилетѣлъ отъ сладкогласнаго источника Хиндары (36), жилища очаровательнаго, гдѣ я живу день

---

(34) Страна мирры, или ладона.

(35) Суевѣріе, что божества языческія жили иногда въ раковинахъ, было извѣстно и древнимъ Грекамъ, кои представляли юныхъ Неритъ обитающими въ раковинахъ Чермнаго моря. (*Вильфордъ*).

(36) Баснословный источникъ, въ которомъ, по словамъ Восточныхъ язычниковъ, музыкальные инструменты безпрестанно играютъ. (*Ричардсонъ*).

и ночь при звукахъ музыки. Лютны шамъ раздаются въ воздухѣ, голоса поютъ отъ зари утренней до зари вечерней, шамъ каждый вздохъ вырывается въ звукахъ сладостныхъ. Я прилетѣлъ изъ моего жилища очаровательнаго, и если гармонія имѣетъ силу волшебную, то, клянусь запахомъ сего вѣнка ночнаго, любезный твой снова будетъ вздыхать у ногъ твоихъ.

„Я внушаю пѣснь тихую и звуки умирающіе, кои падаютъ столь же легко, какъ снѣгъ на море, и скоро исчезаютъ въ сердцѣ; я составляю тѣ страстные переливы, которые глубоко закрадываются въ душу, ими волнуемую, подобно какъ вѣшерокъ, наполненный благовоніями, сообщаетъ пріятный свой запахъ волнѣ, имъ движимой.

„Мнѣ принадлежитъ таинственное очарованіе, коему повинуются духи блаженства минувшаго. Едва раздается звучный мой талисманъ — они стекаются и слетаются вокругъ, какъ геніи; я изобрѣлъ нѣжныя пѣсни, навѣвающія отъ души въ душу желанія любви, подобно той птицѣ, которая разноситъ въ долинахъ воздушныхъ сѣмена корицы отъ одной рощи въ другую (37).

---

(37) Голубь Помпадуръ (Pompadour) разноситъ въ разныя мѣста плоды коричневаго дерева, и чрезъ

„Я совокупляю въ сладостной мѣрѣ прошедшее, настоящее и будущее счастія, когда память связываетъ звукъ исчезнувшій съ звукомъ, еще слышимымъ, когда отъ одной ноты восхитительной, надежда перепархиваетъ къ другой, еще восхитительнѣйшей и близкой нотѣ.

„Сердце воина, когда я привожу его въ умиленіе, дѣлается столь же мягкимъ, какъ бѣлое перо его, за минуту гордо сіявшее среди битвы.... и колеблющееся отъ легкаго дуновенія! Но какъ блистаютъ очи юной дѣвы, когда музыка льется въ ея душу, подобную молчаливымъ свѣтиламъ, внемлющимъ вѣчную гармонію небесъ!

„Я прилетѣлъ сюда изъ своего жилища очаровательнаго, и если гармонія имѣетъ силу волшебную, — то, клянусь запахомъ сего вѣнка ночнаго, — любезный твой снова будетъ вздыхать у ногъ твоихъ.“

Заря является.... или по крайней мѣрѣ та заря преждевременная (38), которой свѣтъ вдругъ исчезаетъ, какъ будто бы

то весьма способствуютъ размноженію сего драгоцѣннаго растѣнія. (*См. Поясненія Брауна*).

(38) У Восточныхъ жителей двѣ зари: *Субхи-казымъ* и *Субхи-садикъ*, ш. е. ложный и настоящій разсвѣтъ. (*Варингъ*).

день проснувшійся снова закрылъ блестящія свои вѣжды.

Уже Нурмагалъ испытываетъ чудесную свою лютню, — и, о счастіе! струны ея звучатъ, какъ гармоническія крылья сего генія воздушнаго.... а голосъ ея!.... Это голосъ не смертной: никогда уста жены не издавали столь плѣнительныхъ звуковъ; вздохи Ангеловъ не могутъ быть сладостнѣе. „Ахъ! пустъ Селимъ услышитъ меня въ эту ночь," вскричала она: — „и тогда станетъ меня любить болѣе прежняго!" И съ часу на часъ повторяетъ она свои пѣсни, боясь, чтобъ онѣ не потеряли до вечера своей сладости; что столь прелестно, то не долговременно! Но пѣсни не ослабѣвали: онѣ становились еще восхитительнѣе; и Нурмагалъ, въ восторгѣ, безпрестанно вопрошаетъ каждую струну своей лютны и прислушивается къ переливамъ своего голоса, подобно эху, влюбленному въ собственныя пѣсни.

Вечеръ наступаетъ; Султанъ учреждаетъ пиршество въ великолѣпномъ своемъ шалимарѣ, надѣясь, что веселіе, музыка и пѣнящійся кубокъ помогутъ ему изгнать изъ сердца призракъ любви.

Едва первая звѣзда ночи освѣтила трепещущимъ лучемъ своимъ воды озера, юныя

дѣвы долины стеклись въ чертоги свѣтлые. Однѣ, вѣрныя родной землѣ своей, никогда еще не оставляли тѣхъ мѣстъ очаровательныхъ, гдѣ онѣ мелькаютъ сквозь чащу деревъ, какъ Нимфы воздушныя по берегамъ источниковъ красоты (39); другія часто говорятъ: „прости!“ сѣнямъ долины (и для чего бы разлучаться съ сими мѣстами прелестными?); бродя, какъ пѣвцы Европы (40), онѣ повторяютъ въ садахъ полуденныхъ (41) пѣсни, коимъ устa Кашемирянокъ придаютъ такую сладость. Здѣсь видны также Одалиски гарема, юныя, златовласыя дѣвы Запада и дѣвы садовъ Нила, румяныя, какъ розы береговъ его (42); дѣвы любви, пришедшія съ утесовъ Кипра и украшающія свои

---

(39) Болѣе всего дѣлаетъ извѣстными источники долины мысль, что Кашемирянки водамъ ихъ одолжены своею красотою и свѣжестью. (*Али-Іезди*).

(40) Трубадуры.

(41) „Я получилъ отъ него этотъ малый *Газель*, или пѣснь любви, коего онъ начерталъ ноты, слушая одну изъ пѣвицъ Кашемирскихъ, странствующихъ по разнымъ краямъ Индіи.“ (*Смѣсь Персидскихъ Стихотвореній*).

(42) Розы *Джинань-Нила*, или сада Нильскаго (во дворцѣ Марокскаго Императора), не имѣютъ себѣ подобныхъ; изъ листовъ ихъ дѣлаютъ подушки для знатныхъ людей. (*Джаксонъ*).

волосы алмазами Пафоса (43); сіи Нимфы съ легкимъ, воздушнымъ станомъ, которыя топчутъ ногами своими золотистые луга Кандагарскіе (44), и тѣ, кои съ нѣгою распростершись въ рощахъ Кашая, смотрятъ на летающіе вкругъ ихъ рои бабочекъ (45), что глазамъ красавицъ кажется, будто бы всѣ цвѣты сихъ улыбающихся луговъ вдругъ получили жизнь и крылья какимъ-то чуднымъ очарованіемъ. Всѣ красавицы Востока и Запада стекаются въ чертоги Султановы, всѣ... кромѣ тебя, Нурмагалъ! Тебя, прелестнѣйшая, чьей улыбки одной доселѣ искали, чей взоръ, среди столькихъ прелестныхъ очей, былъ какъ сіе свѣтило, на которое пловецъ смотритъ среди звѣзднаго

---

(43) Въ Пафосѣ есть гора, въ коей находится самый лучшій горный или восточный хрусталь. По блеску своему, онъ названъ Пафосскимъ бриллянтомъ.

(44) Въ Кандагарѣ есть страна, называемая Періа, или страна волшебствъ (Thévenot); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, на сѣверѣ, полагаютъ, что находится золото въ царствѣ растеній.

(45) Есть бабочки, называемыя по-Китайски *летучими листками*. Нѣкоторыя изъ сихъ насѣкомыхъ имѣютъ столь богато испещренныя крылышки, что ихъ можно бы назвать *летучими цвѣтками*. Ихъ въ самомъ дѣлѣ весьма много въ самыхъ лучшихъ садахъ.

неба, тебя здѣсь нѣтъ! Селимъ это замѣчаетъ — и для него нѣтъ веселія, потому что тебя съ нимъ нѣтъ! Но ты близъ него: ты пришла испытать силу твоихъ волшебныхъ звуковъ. Нурмагалъ вмѣшалась въ толпу юныхъ дѣвъ, кои, подобно ей, имѣютъ лютну сладкогласную; она скрывается подъ личиною (46), которая облекаетъ лица дѣвъ Аравіи, не скрывая только ихъ очей, дабы тѣмъ вѣрнѣе плѣнять сердца. Она бродитъ по чертогу; сердце ея сильно бьется; она трепещетъ, ожидая благопріятной минуты, въ которую можетъ узнать, еще ли ея лютня любимая сохранила свою силу волшебную?

Различные плоды и вина покрыли столы роскошные. Взоръ любуется золотыми гроздами, подобными тѣмъ, кои зрѣютъ на холмахъ Касбинскихъ (47), сочными гранатами и яблоками, которыя Кабулъ раждаетъ въ тысячѣ садовъ своихъ (48), бана-

---

(46) Женщины Аравійскія носятъ черныя маски съ небольшими, весьма красивыми пряжками. (*Карреры*). Нибуръ упоминаетъ о сей модѣ, говоря съ кѣмъ нибудь, показывать одинъ только глазъ.

(47) *Золотые грозды Касбинскіе.* (*Описаніе Персіи*).

(48) Плоды, вывозимые изъ Королевства Кабульскаго, суть: яблоки, груши, гранаты и проч. (*Эль-*

нами зелеными и бананами златоцвѣтными, мангустанами, некшаромъ Малайцевъ (49), сливами Бухарскими, сладкимъ миндалемъ отдаленныхъ лѣсовъ Самаркандскихъ, финиками Баскайскими и абрикосами Изранскими, плодами солнца (50). Не были забыты и сласти изъ плодовъ Висны (51), цвѣтовъ померанцевыхъ и малины, которою питаются юныя серны въ каменистыхъ долинахъ Эрака (52). Сіи разныя сласти разставлены въ драгоцѣнныхъ сосудахъ, въ корзинахъ изъ сандальнаго дерева и въ фарфо-

---

финстонъ). „Мы сѣли подъ деревомъ, слушали пѣніе птицъ и разговаривали объ отечествѣ нашемъ и о Кабулѣ, съ сыномъ нашего Мехмандара: онъ весьма пріятно занималъ насъ описаніемъ города и ста тысячъ садовъ его.“ (*Тамъ же*).

(49) Мангустанъ есть самый пріятнѣйшій въ мірѣ плодъ, коимъ гордятся островитяне Молукскіе. (*Марсденъ*).

(50) Абрикосъ отмѣннаго вкуса, называемый *Токмъ-экъ-шемсъ*, т. е. *сѣмя солнца*. (*Описаніе Персіи*).

(51) Конфекты, состоявшіе въ вареньяхъ изъ розы, вишень, померанцевъ и проч. (*Руссель*).

(52) Моаллакатъ, Поэма Турафы (*Прим. Подл.*)— *Моаллакаты* зовется вообще нѣкоторый родъ Поэмъ восточныхъ, какъ напр. недавно переведенная на Русскій языкъ, Моаллака Лебида. (*Прим. Изд.*)

ровыхъ вазахъ, добываемыхъ съ острова (53), поглощеннаго волнами Океана Индійскаго, гдѣ счастливый плавашель нерѣдко сыскиваетъ сосуды, достойные украшать чертоги Царей. Въ свѣтломъ хрусталѣ пѣнились разноцвѣтныя вина всѣхъ странъ; амбра Боссоли (54), бѣлая роса, выжимаемая изъ винограда Зеленаго Моря (55), и роскошный напитокъ Ширасскій, который кажется безцѣннымъ рубиномъ Владѣтеля Цейланскаго, растаявшимъ въ кубкѣ (56).

Селимъ надѣется утопить свое сердце въ сихъ винахъ драгоцѣнныхъ, и изгнать любовь; онъ не знаетъ, что сей малый божокъ умѣетъ плавать по влагѣ чаши веселія и блистать изъ нее своей улыбкой, подобно тому, какъ Поэты видятъ его въ мечтахъ своихъ, скачущаго по лазоревымъ

---

(53) Маури-га-сима, островъ близъ Формозы, поглощенный волнами за преступленія своихъ жителей. Вазы, доставаемыя здѣсь рыбаками и водолазами, продаются весьма дорого въ Китаѣ и Японіи.

(54) См. *Персидскія сказки.*

(55) Бѣлое вино Кишмы.

(56) Король Цейланскій, говорятъ, имѣетъ прекраснѣйшій въ мірѣ рубинъ. Гублай-Ханъ предлагалъ ему взамѣнъ за оный цѣну цѣлаго города; но Король отвѣчалъ, что не уступитъ его за всѣ сокровища свѣта. (*Mariasola*).

волнамъ Ганга, въ гирляндѣ изъ цвѣтовъ розоваго лотоса (57) и заемлющаго новый блескъ отъ рѣки, въ которой отражается видъ его.

Но что въ чашахъ веселія, безъ пѣсней, коими возбуждается вдохновеніе нектара, изъ нихъ льющагося? Юная Грузинка выступаетъ: въ ней видится весь блескъ, вся свѣжесть дѣвъ ея родины, когда онѣ выходятъ изъ ручьевъ Тифлисскихъ (58); черные глаза ея мещутъ жгущіе взгляды; пустъ тотъ, у кого сердце слабо, молитъ небо, навсегда отдалить отъ него сіи взгляды обольстительные! Роскошно сгибаетъ она руку свою вокругъ сиринды (59), и поетъ сію пѣснь:

„Стекайтесь, стекайтесь отовсюду: днемъ и ночью всѣ удовольствія попеременно манятъ васъ сюда; подобно волнамъ въ тихую погоду, едва одно убѣжитъ — другое вслѣдъ за нимъ является; любовь исчезающая рождаетъ другую любовь, столь же счастливую; и когда есть жилище утѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!

---

(57) Индѣйцы полагаютъ, что Купидона видѣли плывущаго по Гангу, въ цвѣткѣ Nymphaea Nelumbo (*Пеннантъ*).

(58) Тифлисъ славится своими теплыми водами.

(59) Сиринда, Индѣйская гитара.

„Здѣсь юныя дѣвы вздыхаютъ, и вздохи ихъ благовонны, какъ цвѣтъ Амры, раскрытый пчелою (60). Слезы ихъ столь же драгоцѣнны, какъ сей дождь небесный, который упавъ на море, тотчасъ превращается въ перлы (61).

„Что же должны быть поцѣлуи и улыбки, когда вздохи и слезы такъ восхитительны? Когда есть жилище утѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!

„Здѣсь пѣнится влага, которая, будучи любовью претворена въ питіе боговъ, созвала нѣкогда съ круговъ надзвѣздныхъ цѣхъ духовъ, кои забыли источники райскіе для сока нашихъ лозъ, и свѣтила дня и ночи для глазъ нашихъ земныхъ красавицъ (62). Какой духъ оставилъ бы свое обиталище, если бъ наслаждался тамъ благовоннымъ питіемъ нашихъ кубковъ? Такъ! когда есть жилище утѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Едва пѣснь Грузинки умолкла, тотъ же напѣвъ, тѣ же звуки были повторены дру-

(60) „Сладостны цвѣты Амры, вкругъ коихъ жужжатъ пчелы.“ (*Пѣснь Яйадевы*).

(61) Низанъ или весенняя роса, изъ которой, по мнѣнію восточныхъ жителей, происходитъ жемчугъ, если она падаетъ въ раковины. (*Ричардсонъ*).

(62) См. Маринни, о паденіи духовъ.

гою люшною, которой восхитительные переливы вмигъ очаровали внимательное удивленіе; всѣ подняли глаза къ верху, думая, что слышатъ сладкозвучное трепетаніе крылъ Исразила (63). Голосъ, столь же сладостный, какъ и звуки струнъ волшебной люшны, соединилъ пѣніе свое съ музыкой столь стройно, что слушающіе не знали, чему отдать предпочтеніе: люшнѣ, или голосу?

„Есть блаженство свыше того, которое воспѣто дѣвою: небесный союзъ двухъ сердецъ, вѣрныхъ, вопреки всѣмъ испытаніямъ бѣдствій.... вѣрныхъ до гроба! Одинъ часъ такой любви дороже вѣковъ равнодушія. Такъ, когда есть жилище утѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Не напѣвъ и не слова, но прелесть волшебная придавала чудесную силу люшнѣ и голосу. Отовсюду раздался кликъ: „Это дѣва Аравійская, скрывающаяся подъ личиною!“ Селимъ долѣе всѣхъ оставался въ восхищеніи, подобно изступленному: восторгъ мѣшалъ ему говорить; онъ подалъ рукой знакъ пѣвицѣ, и она продолжала.

„Убѣжимъ вмѣстѣ въ пустыню; приди, убѣжимъ вмѣстѣ! Аравійскіе шатры наши

(63) Ангелъ музыки, по Миѳологіи Магомешанъ.

дадутъ тебѣ убѣжище простое; но какое сердце будетъ нерѣшимо между любовью въ шатрѣ и престоломъ безъ любви?

„Скалы наши обнажены, но улыбающаяся акація колеблетъ шамъ желтыя свои верхушки: это уединенное дерево тѣмъ прелестнѣе, что цвѣтетъ въ пустынѣ.

„Пески наши безплодны, но игривая, среброногая серна скачетъ шамъ столь же пріятно, какъ бы по мраморнымъ помостамъ чертоговъ Царскихъ.

„Приди! юная Аравитянка будетъ для тебя пустынною, милою акаціей; она будетъ серною, которой легкіе шаги придадутъ прелесть безмолвію твоего уединенія.

„Есть звуки голоса, есть взоры, разливающіе мгновенно въ сердцахъ ясность, какъ будто мы только что нашли сокровище, всю жизнь нами искомое.

„Уста и очи, которымъ суждено заглушить всѣ наши вздохи и не быть никогда забытыми, такъ являются нашей любви.

„Твой взглядъ, твой голосъ плѣнили мое сердце, когда я впервые тебя увидѣла! Я не знала тебя, какъ пришельца изъ другаго міра, но, казалось, я давно уже тебя любила.

„Убѣжимъ вмѣстѣ.... если ты не горѣлъ еще другою любовью, если ты не от-

бросилъ коварно драгоцѣннаго камня, который клялся вѣчно носить на твоемъ сердцѣ. Приди, если любовь твоя ко мнѣ столь же чиста, какъ моя любовь, если она такова, какъ подземный ключъ, находимый луговою птицею (64).

„Но если ты покидаешь для меня другую, если ты измѣняешь взору милому и даешь мнѣ его мѣсто въ невѣрномъ твоемъ сердцѣ.... то прощай! скорѣе рѣшусь стоять на льду озера, когда весеннее солнце согрѣваетъ его своими лучами, нежели ввѣриться лживой любви твоей.“

Стихи сіи были исполнены столь милой простоты, что, даже и безъ помощи чародѣйки, они бы взволновали сердце Селимово; но какъ онъ могъ устоять противъ звуковъ, невѣдомыхъ доколѣ смертнымъ? Каждая струна лютны Нурмагалъ двигалась геніемъ гармоніи; Селимъ былъ побѣжденъ! Онъ вздрогнулъ, уронилъ чашу, которая, во время сего сладостнаго пѣнія, оставалась какъ бы силою волшебства въ рукахъ его, недвижныхъ и готовыхъ поднести ее къ устамъ. Онъ проговорилъ на-

(64) *Гуд-гудъ* или пиголица (vanneau), по мнѣнію восточныхъ жителей, находитъ подземные источники.

конецъ имя той, которой столь долго не видѣлъ, и вскликнулъ въ восторгѣ: „Нурмагалъ! Нурмагалъ! я уступаю всевластнымъ твоимъ звукамъ! я забываю все.... я твой на вѣки!“

Она снимаетъ личину.... она побѣдила, и Селимъ прижимаетъ къ сердцу свою Нурмагалъ, Свѣтъ Гарема, которую румянецъ стыдливости еще болѣе украшаетъ! Облака, отуманивавшія чело ея, разсѣялись; очи ея блистаютъ новымъ блескомъ, улыбка ея полна новой прелести. Наконецъ, счастливая, она покоитъ свою голову на рукѣ Селима, и тихо шепчетъ ему съ любовью: „помни праздникъ розъ!“

II.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ИСТОРІЯ АРТИЛЛЕРІИ.

(*Продолженіе.*)

Періодъ шестой.

Силезскія войны и послѣдующія до 1792 года.

Съ самаго изобрѣтенія пороха, никакое военное происшествіе не отличалось таки-

ми необычайными успѣхами, какъ войны Фридерика II съ Австрійскимъ Домомъ и съ его союзниками. Съ превосходною арміею и въ союзѣ съ Франціею и Саксоніею, возсіялъ онъ въ первой Селезской войнѣ, чтобы учиться побѣждать у Леопольда Дессаускаго; вскорѣ оставили его союзники, и тогда онъ одинъ въ третьей Селезской войнѣ остался неустрашимымъ. Его военный глазомѣръ, быстрота движенія его войскъ, ихъ энтузіазмъ имѣть полководцемъ самого Короля, даровали ему послѣ кровопролитной семилѣтней брани, лавры его враговъ. Войны сіи, можно рѣшительно сказать, перемѣнили весь образъ войны, и даровали ему то совершенство, которому мы нынѣ удивляемся.

Уже въ предъидущемъ періодѣ тяжелая артиллерія была совершенно оставлена; въ семъ же періодѣ не раздѣляли уже болѣе орудія на картауны и шланги, но на легкую или полевую, и баттарейную. Къ первой причислялись орудія 6-ти, 9-ти и 12-фунтовыя, а къ послѣдней всѣ тяжелые калибры до 24 фунтовыхъ. Теперь только увидѣли всю важность Артиллеріи для пріобрѣтенія побѣды; для сего Фридерикъ II, по примѣру Русскихъ, увеличилъ свою Артиллерію; но какъ такая великая Артиллерія могла бы затруднять быстрыя движенія его

войска, то онъ облегчилъ ее и далъ ей лучшій и сообразнѣйшій видъ. Первое облегченіе Прусской Артиллеріи было сдѣлано Полковникомъ Гольцманомъ въ первой Силезской войнѣ, который и пушкамъ далъ шарообразныя каморы. Прусскія орудія находились въ слѣдующемъ отношеніи между собою:

12 Ф.	длина 18	діаметровъ ядра.	вѣсъ 2092 Ф.
12 —	14		1781
12 —	14		780
6 —	16		668
3 —	15		472

Но послѣ Губертсбургскаго мира, Артиллерія получила опять нѣкоторую тяжесть и величину, а именно:

Калибр. пуш.		Длина оруд. по калибр.	Вѣсъ по фунту.
12 Ф.	большія	22	3100
12 —	среднія	18	1980
12 —	малыя	14	1150
6 —	большія	22	1500
6 —	малыя	18	910
3 —		20	600

Главные непріятели Пруссіи, еще болѣе облегчили Артиллерію и увеличили почти до безконечности количество ея орудій, — Князь Венцель Лихтенштейнъ опредѣлилъ длину всѣхъ орудій въ 16 калибровъ: 12 Ф.

вѣсило 1500 ф., 6 фун., орудіе отъ 650—790, а 3 фунт. до 480 фунт. Другія Государства еще болѣе сдѣлали на счетъ облегченія орудій.

Прусская и Австрійская Артиллеріи были такъ легки, что онѣ въ движеніи своемъ никогда не останавливали прочихъ войскъ и всегда приготовляли и довершали побѣду. Французскій Маршалъ Брогліо старался подражать сему; онъ старался облегчить орудія и сдѣлать ихъ чрезъ то способными къ быстрымъ движеніямъ. Наконецъ явился во Франціи славный *Грибоваль*. Людовикъ XV, призвавъ его обратно изъ Австрійской службы, повелѣлъ ему произвести реформу во Французской Артиллеріи и опровергнуть древнюю систему Валліера. Опыты были сдѣланы въ Страсбургѣ, въ присутствіи многихъ Маршаловъ Франціи и Артиллерійскихъ офицеровъ; они были удачны и Грибоваль увѣнчался успѣхомъ. Новая система имѣла многихъ противниковъ, между которыми знаменитѣйшій былъ Валліеръ, споривший до самой своей смерти о превосходствѣ тяжелой Артиллеріи; ему послѣдовали Сп. Обанъ и Дибигетъ, и въ самомъ дѣлѣ, при стараніи Военнаго Министра Монтенарда, они имѣли радость въ 1772 году, видѣть возстановленіе древней

тяжелой Артиллеріи, но сія ихъ радость не долго продолжилась; Людовикъ XV созвалъ Военный Совѣтъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Грибоваловой Артиллеріи. Вскорѣ Сардинская, Испанская и Неаполитанская Артиллеріи приняли видъ Французской, и быстро помчались къ совершенству. Графъ Шомбургъ-Линне-Бикебургской преобразовалъ Португальскую Артиллерію.

Къ сему же времени относится изобрѣтеніе *единороговъ* Графомъ Шуваловымъ; это орудіе было нѣчто среднее между пушкою и гаубицею: отъ перваго отличался единорогъ своею каморою, и отъ послѣднихъ долготою ствола. Единороги бросали тяжести отъ 2 — 96 фунт., длина ихъ простиралась до 10 калибровъ, и не только годились они къ стрѣльбѣ ядрами, но и къ стрѣльбѣ картечью и гранатами. Единороги, стрѣлявшіе ядрами вѣсомъ въ 96 фунтовъ, назывались *двойными*, тѣ, кои въ 48 фунт. *простыми*, тѣ же, кои бросали 12 фунтовое ядро, назывались *четверть-единорогами*. Хотя стрѣльба ихъ была дальняя, но за то невѣрная; 2 фунтовые единороги были единственно назначены для драгуновъ и конныхъ гренадеровъ; для сего у лафетной оси находились еще двѣ негорновыя морширки, для стрѣльбы 3 фунтовыми гранатами.

Въ началѣ семилѣтней войны, изобрѣлъ Графъ Шуваловъ нѣкоторый родъ гаубицъ, долго называвшихся по его имени. Онѣ отличались отъ прочихъ гаубицъ тѣмъ, что напалы ихъ были вдвое шире противъ своей высоты, и что при дулѣ широта сія увеличивалась до 3 калибровъ съ двумя калибрами высоты. Все орудіе было высверлено воронкообразно, и длина его простиралась до 18 калибровъ; камора его была цилиндрическая. Орудіе сіе лежало на прочномъ полевомъ лафетѣ, снабженномъ клиномъ, на которомъ орудіе лежало казеннымъ фризомъ, и посредствомъ котораго можно возвышать и понижать стволъ орудія. Вѣроятно, для скрытія внутренняго устроенія, стволъ имѣлъ круглый видъ, и тѣмъ получалъ вверху и внизу чрезвычайную толстоту металла, чрезъ что онъ сдѣлался тяжелымъ и неспособнымъ для форсированныхъ маршей. Сіе самое и малое ихъ дѣйствіе, было причиною жалобъ Генераловъ Салтыкова и Фермора на сіе орудіе, жалобъ, которыя изобрѣтатель, своими опытами, въ 1760 году, совершенно опровергнулъ.

Въ сіе же время Англичанинъ *Каронъ*, изобрѣлъ каморное орудіе, и назвалъ его *каронадою:* оно было сдѣлано изъ чугуна и

назначено единственно для нижнихъ кораблей; бросало только ядра.

Къ сему времени публиковали Грибоваль и Монталамбертъ свои лафеты, но важнѣе всѣхъ сихъ лафетовъ былъ лафетъ Англійскаго Поручика *Келера*. Высота Гибральтарской крѣпости не позволяла обыкновенными лафетами поражать непріятеля у подошвы горы; для сего Келеръ изобрѣлъ свой лафетъ, который можетъ быть возвышенъ на 20° надъ горизонтомъ и 70° подъ горизонтомъ.

И теоретическая часть пороха много сдѣлала успѣховъ; много ею занимался *Робинсъ*, примѣнивъ въ 1742 году прежнюю теорію воспламененія пороха къ самой Артиллеріи. Онъ и многіе другіе Математики: Мафей, Вандель, Графъ Салюсъ, Ламбертъ, Ноллетъ и Антони занимались опредѣленіемъ количества силъ, происходящихъ отъ упругой пороховой жидкости. Большіе успѣхи Химіи въ XVI столѣтіи распространили другой свѣтъ на сію важную часть Артиллеріи. *Сталь*, отецъ Германскихъ Химиковъ, выводитъ дѣйствіе пороха изъ соединенія чего-то *горючаго съ селитряною кислотою*. Сія система была долго принята, пока наконецъ не узнали присутствія газовъ, изъ коихъ вѣроятнѣе и ближе изъя-

сняли дѣйствіе пороха. Уже *Маіовъ* въ XVII столѣтіи зналъ присутствіе чистаго воздуха въ селитрѣ; однако жъ только къ концу XVIII столѣтія, *Пристлей* доказалъ сіе опытами и наблюденіями, и теперь только понятнѣе было, почему порохъ горитъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Еще *Шеель*, въ 1776 году, не зная открытія Пристлея, публиковалъ о возрожденіи воздуха изъ селитры. Но полезнѣе были опыты Ингенгуза, Фуркруа, Бертолета и Ахарда въ отношеніи къ пороху: они старались точнѣе опредѣлить составныя части пороха. Ингенгузъ выводилъ дѣйствіе пороха изъ горючаго углетворнаго газа, и говорилъ, что изъ мгновеннаго смѣшенія горючаго воздуха съ воздухомъ, разряженнымъ изъ селитряной кислоты, производится взрывъ и трескъ. — Явился безсмертный Лавуазье, мужъ незабвенный и невозвратимый, слишкомъ рано похищенный у человѣчества Французскою гильотиною (*); онъ уничтожилъ своею теоріею всѣ гипотезы Сталя, и доказалъ несомнѣнными опытами, что свѣтотворъ и теплотворъ не отъ су-

(*) Онъ родился въ 1743 году 20 Августа въ Парижѣ, и невинно палъ подъ сѣкирою гильотины въ 1794 Мая 8.

щественныхъ частей пороха происходятъ, но отъ окружающаго ихъ воздуха; мнѣніе Лавуазье осталось между всѣми артиллеристами того времени. Теорія сія, по явному своему превосходству, должна была произвести и лучшій порохъ; пропорціи составныхъ частей пороха были различны, и каждое Государство имѣло свою особую, которую предпочитало всѣмъ другимъ; такъ, во Франціи думали, что сильнѣйшій порохъ долженъ состоять изъ 16 частей селитры, 3 частей угля и 1 части сѣры.

Такъ какъ доброта пороха зависитъ не только отъ хорошаго раздѣленія составныхъ частей, но и отъ надлежащаго смѣшенія, то и въ семъ столѣтіи обращали вниманіе свое на пороховыя мельницы. Хотя валовыя мельницы уже были извѣстны въ Германіи, но все таки еще пользовались толчевыми мельницами, отчасти потому, что механизмъ ихъ простъ и легокъ. Первая валовая мельница была построена въ 1754, въ Эссонѣ, по предложенію Фери; здѣсь двигаются на лежнѣ, у котораго діаметръ въ 8 футовъ, два мраморные вала. Въ томъ же году, Карлъ Кнутбергъ построилъ такую же мельницу въ Швеціи; только валы ея были деревянные съ желѣзными шинами.

Многочисленность Артиллеріи. Россіяне въ сіе время имѣли многочисленнѣйшую артиллерію изъ 11 баталіоновъ, а въ 1785 году, вся ихъ Артиллерія простиралась до 34,000 чел. съ 5,500 крѣпостныхъ артиллеристовъ.

Прусская Артиллерія состояла, въ началѣ 18 столѣтія, изъ 10 ротъ артиллеристовъ, къ которымъ въ 1741 году были прибавлены еще 4. Король повелѣлъ въ семъ періодѣ прислугу полковой Артиллеріи брать изъ самыхъ полковъ. Въ 1762 году, Прусская Артиллерія состояла изъ 6 баталіоновъ пѣшей Артиллеріи и 3-хъ ротъ конной.

Австрійская Артиллерія состояла въ семъ періодѣ изъ 12 баталіоновъ. — Саксонская Артиллерія состояла изъ 1 баталіона. Въ 1747 году, Французская Артиллерія состояла изъ 5 баталіоновъ, но въ 1774 году, простиралась уже до 7 полковъ (они были слѣдующіе, и назывались по городамъ, гдѣ стояли: Лаферъ, Мецъ, Страсбургъ, Безансонъ, Озоннь, Гренобль и Туль). Англійская Артиллерія состояла въ семъ періодѣ изъ 4 баталіоновъ или 40 ротъ. Голландцы имѣли въ сіе время 20 ротъ артиллеристовъ съ 10 Штабъ-офицерами. Неаполитанская Артиллерія состояла, въ 1787 году,

изъ 11 ротъ, или 2008 солдатъ. По устроенію Графа Липпе-Бюкенбургскаго, Португальская Артиллерія была раздѣлена на 3-полка (въ каждомъ полку находилось 989 чел.). Гессенская Артиллерія состояла изъ 1 баталіона и 2 ротъ полковой Артиллеріи. По словамъ Миллера, Датская Артиллерія состояла изъ 18 ротъ, Шведская, по отчетамъ Кокса, изъ 2900 артиллеристовъ.

Хотя уже прежде нѣсколько разъ удвоивали упряжь легкихъ орудій, и сажали находящихся при нихъ артиллеристовъ на лошадей, чтобы слѣдовать за быстрыми движеніями кавалеріи; но замѣтимъ, что все еще не было особеннаго отдѣленія Артиллеріи, долженствовавшаго всегда оставаться въ такомъ видѣ и съ такою цѣлію. Россіяне первые драгуновъ своихъ снабдили единорогами и Кегорновыми морширками; сіи единороги часто приводили Прусскую конницу въ замѣшательство; ибо случалось, что когда Пруссаки думали имѣть дѣло съ одними козаками и конными гренадерами, то вдругъ были встрѣчены картечами и гранатами. И такъ мнѣніе, что Россіяне имѣли при себѣ конную Артиллерію, вскорѣ подтвердилось, и тогда Фридерикъ II рѣшился подражать сему полезному изобрѣтенію. Уже весною 1759 года, Фридерикъ II устроилъ въ своей Ар-

міи баттарею конной Артиллеріи, которую онъ самъ обучалъ ежедневно. Повѣствуютъ, что онъ употребилъ ее въ первый разъ при рекогносцировкѣ въ Силезіи, и прикрывалъ ею очень удачно отступленіе своихъ драгуновъ. Также во 2-й арміи (состоявшей подъ начальствомъ Принца Генриха) была въ 1760 году, въ Ландсбергскомъ лагерѣ, заведена баттарея конной Артиллеріи, слѣдовавшей всегда за драгунскимъ Аншпахъ-Байретскимъ полкомъ. Къ концу семилѣтней войны въ Прусской арміи, находилось 7 баттарей конной Артиллеріи. Въ каждой находилось по 8 легкихъ шести-фунтовыхъ пушекъ и двухъ семи-фунтовыхъ гаубицъ. Въ 1780 году, и Австрійцы завели у себя конную Артиллерію, но иного устроенія: Артиллерійцы сидѣли не на лошадяхъ, а на длинныхъ лафетахъ шести-фунтовыхъ орудій. Дашчане, Ганноверцы, Виртенбергцы и Гессенцы подражали въ устроеніи своей конной Артиллеріи Пруссакамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у Ганноверцевъ только половинное число артиллеристовъ сидѣло верхомъ, а прочіе сидѣли на лафетѣ и передкѣ. Хотя Русскіе и имѣли кавалерійскую Артиллерію при себѣ, но она еще не имѣла настоящаго своего предназначенія, быстраго занятія важныхъ позицій; она только слѣ-

довала за движеніями драгуновъ и конныхъ гренадеровъ. Покойный Императоръ Павелъ I, еще будучи Великимъ Княземъ, завелъ въ Россіи конную Артиллерію по образцу Прусской; большія услуги при семъ оказали Ему два Саксонскіе артиллериста *Гессе*. Генералъ Шрефъ дѣлалъ опыты въ семъ періодѣ надъ Ганноверскою конною Артиллеріею, и нашелъ, что въ *одну минуту* она проскакала 300 шаговъ, сняла орудія съ передковъ и производила стрѣльбу. Въ *три минуты*, проскакала она 1100 шаговъ и стрѣляла. Въ $9\frac{1}{2}$ минутъ проскакала она 3500 шаговъ, а въ *двадцать двѣ* 6000 шаговъ. Опыты сіи согласовались съ опытами Прусской конной Артиллеріи, болѣе другихъ отличавшейся своею быстротою.

(*Окончаніе впредь.*)

III.

КРИТИКА.

Замѣчанія на книгу: Военное Краснорѣчіе, *основанное на общихъ началахъ Словесности, съ присовокупленіемъ примѣровъ въ разныхъ родахъ онаго. Сочиненіе Ординарнаго Профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Якова Толмачева. С. П. б.* 1825, *въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д.*

Каждая Наука, согласно съ природою всего въ мірѣ существующаго, имѣетъ свои непремѣнные законы, уклоненіе отъ коихъ, даже самое малѣйшее, препятствуетъ вѣрному оной познанію. Нельзя извинить, когда самонадѣянность, немогущая постигнуть ихъ, принявъ на себя объясненіе ихъ другимъ, предлагаетъ свои произвольныя правила, не содержащія въ себѣ ничего опредѣленнаго, а потому и ни къ чему доброму не ведущія. Безъ сомнѣнія, предпріимчивость сего рода была всегда и нынѣ есть причиною нареканій, каковымъ, къ прискорбію, подвержены нѣкоторыя Науки, и особенно, содержащія, по природѣ своей, болѣе передъ другими отвлеченностей, и въ то же время, имѣющія наиболѣе отношеній

къ нравственной, благороднѣйшей половинѣ человѣка. Сему-то надлежитъ приписать и несогласіе, видимое между разумомъ и вѣрою, долженствующими шествовать рука объ руку, въ небесномъ дружелюбіи, и озарять яркими лучами стези, которыя человѣкъ долженъ избрать для себя. Отъ того большая часть Наукъ доселѣ остаются недовольно развитыми, или обращаются въ первобытный свой хаосъ, изъ котораго извели ихъ мужи великіе. Есть Науки, въ коихъ, по обширности ихъ предмета, хотѣніе остановиться на постиженномъ, прекращеніе дальнѣйшихъ изслѣдованій, воспрещеніе себѣ отъкрытій — означали бы ничтожную робость ума. Таковы Науки, углубляющіяся въ изслѣдованіе богатыхъ недръ природы физической. Однако и здѣсь посредственный умъ пусть идетъ по пути, проложенному дарованіями обширными. Не всякому дана сила творить: славно и послѣдовать дѣламъ великихъ. Но не извинительно созидать новое и на удачу тамъ, гдѣ есть зданія прочныя, освященныя вѣками, уваженныя самыми геніями, истинно творческими. Новость, сама по себѣ, никогда не составляла совершенства, никогда не подавала права на уваженіе. Худо, посему, очень худо поступаютъ наставники

юношества, когда, по желанію отличиться новымъ, оставляютъ неизмѣнные, необходимые законы Наукъ, и вдаются въ нелѣпости. Вотъ грустныя мысли, родившіяся во мнѣ, по прочтеніи книги — *Военное Краснорѣчіе*, и побудившія меня сдѣлать на нее нѣкоторыя замѣчанія.

Господинъ Сочинитель, въ предисловіи своемъ къ первой части, говоритъ, что нѣкоторыя главы своей книги, извѣстныя слушателямъ его, онъ опускалъ во время преподаванія, но что, „издавая въ свѣтъ свое сочиненіе, желалъ издать полную систему, дабы, въ случаѣ нужды, не почли оной недостаточною тѣ, которые думаютъ, что Военное Краснорѣчіе есть только отрасль общей Словесности, и потому должно быть основано на общихъ началахъ оной.“ — Причина, побуждавшая Г. Сочинителя къ изданію первой части его творенія, содержащей въ себѣ общія начала Словесности, неудачно избрана и довольно неудачно выражена. Впрочемъ, не входя въ его побужденія, которыя изъ его предисловія и угадать трудно, мы подвергаемъ и эту первую часть испытанію, какъ изданную для свѣта, какъ учебную книгу.

Достоинство системы и *системы полной*, каковою желалъ издать Г. Сочинитель

свое Военное Краснорѣчіе, состоитъ въ правильномъ изложеніи общихъ началъ Науки, въ вѣрномъ и естественномъ выводѣ изъ сихъ началъ каждаго подчиненнаго имъ понятія, въ ясномъ и опредѣленномъ предписаніи правилъ и въ показаніи безошибочнаго приложенія сихъ правилъ къ дѣйствіямъ — въ Наукахъ практическихъ. Избѣгая всего невразумительнаго, лишняго, неотносящагося къ предмету, систематикъ не опускаетъ ничего существеннаго въ Наукѣ его, и поставляетъ все на своемъ мѣстѣ такъ, чтобы читатель, ищущій наставленія, нигдѣ не впадалъ въ недоумѣніе и все легко уразумѣвалъ, при нужныхъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ.

Г. Сочинитель Военнаго Краснорѣчія все это опустилъ изъ виду; и его твореніе такъ сбивчиво, смутно, что молодой читатель едва ли, и при руководствѣ умнаго и опытнаго истолкователя, можетъ изъ онаго вывесть для себя что либо поучительное, полезное. Въ общихъ началахъ Словесности смѣшаны предметы, относящіеся къ тремъ отдѣльнымъ, хотя и близкимъ между собою, Наукамъ — Граммматикѣ, Логикѣ и Риторикѣ, а въ собственно такъ называемомъ Военномъ Краснорѣчіи, съ правилами Риторики слито Нравоученіе.

Таковое смѣшеніе, само по себѣ, должно производить великую невразумительность; но читатель еще болѣе затрудняется, или, лучше сказать, ничего не познаетъ, когда понятія различныхъ Наукъ, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ безъ связи и порядка, находитъ или недостаточно или ложно опредѣленными, или даже и вовсе оставленными безъ объясненія. Вотъ общій недостатокъ Военнаго Краснорѣчія; но каждая изъ многочисленныхъ главъ его имѣетъ свои особенныя тяжкія погрѣшности, неизвинительныя въ учебной книгѣ. Покажемъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, обращая все вниманіе на мысли, и не касаясь языка.

Часть первая — Глава I. — Опредѣленіе Словесности въ разныхъ отношеніяхъ, и Риторики.

Здѣсь шесть періодовъ, и три изъ нихъ наполнены ложными или ошибочными мыслями. Г. Сочинитель, опредѣляя *Словесность* вообще, называетъ ее „природною „способностію человѣка изъяснять мысли „и чувствованія голосомъ членораздѣльнымъ (articulata)?“ — Опредѣленіе ложное; ибо Словесность (Litteratura) означаетъ то, что произнесено, или написано какимъ либо народомъ, или лицемъ, или иногда самый способъ выраженія мыслей посредствомъ слова.

Такъ, говоря: *Словесность Грековъ и Римлянъ обнимала многіе предметы и во всемъ совершенна,* — разумѣемъ произведенія сихъ народовъ и качества произведеній, а не природную способность, которую приличнѣе называть *даромъ слова.* Народы дикіе не имѣютъ Словесности; но въ дарѣ слова отказать имъ не можно.

Ложно начало; не льзя ожидать вѣрности и въ понятіяхъ, изъ него выводимыхъ. Недостаточное опредѣленіе Словесности, вообще произвело неудовлетворительность и въ объясненіяхъ *прозаической* и *стихотворной* Словесности. Кромѣ того, что каждая изъ нихъ остается природною способностію, г. Сочинитель послѣднюю только подчиняетъ какимъ-то „единообразнымъ законамъ музыкальнаго лада," а первую заставляетъ слѣдовать „свободному и разнообразному звукотеченію." — Неужели только въ этомъ одномъ существенная разность между прозаическою и стихотворною Словесностію? По крайней мѣрѣ надлежало бы сказать, что сіи объясненія касаются одной наружной формы оныхъ.

Въ третьемъ періодѣ нельзя не спросить, что такое — „обыкновенная способность, не имѣющая никакихъ отличительныхъ качествъ?" Чѣмъ отличается *Словес-*

ность вообще отъ *Словесности въ обширномъ смыслѣ?* Гдѣ разность между сею послѣднею и прозаическою, когда и та и другая есть „способность выражать свободною рѣчью мысли и чувствованія?“ Г. Сочинитель въ томъ же періодѣ различаетъ *Краснорѣчіе* отъ Витійства, назвавъ одно „искусствомъ выражать мысли и чувство„ванія *ясно и красиво*,“ — а другое „искус„ствомъ выражать оныя *сильно* и *убѣди„тельно*.“ — Но искусство говорить и писать сильно и убѣдительно, болѣе или менѣе, все однако же требуется отъ всѣхъ родовъ прозаическаго слога, въ извѣстныхъ случаяхъ; посему, кажется, раздѣленіе г. Сочинителя напрасно; или надлежало бы опредѣлительнѣе разграничить области сихъ искусствъ. О Поэзіи не сказано ни слова. Ежели г. Сочинитель разумѣетъ ее въ опредѣленіи стихотворной Словесности, мы можемъ воскликнуть: бѣдная Поэзія! ты ограничена *единообразными законами музыкальнаго лада!* —

Глава II. — Предметъ Риторики и Науки, необходимыя для занимающихся Краснорѣчіемъ.

Г. Сочинитель, въ сей главѣ, называетъ Риторику *системою* правилъ, *касающихся* Краснорѣчія, назвавъ ее, въ первой главѣ

(стран. 2), *Наукою, содержащею* правила, руководствующія къ *Краснорѣчію* и *Витійству*. Замѣшимъ, что *система* и *Наука* имѣютъ нѣкоторую разность, *содержать* и *касаться* — большую; въ одномъ мѣстѣ Риторика наставляетъ *одному* искуству, въ другомъ *двумъ*; чему же вѣрить? Опредѣленіе должно выражать одно и то же; иначе умъ не возможетъ вѣрно представлять опредѣляемое. Не всякій также согласится съ г. Сочинителемъ, что Науки умозрительныя *особенно* полезны для занимающагося Словесностію: равно, ежели не болѣе, полезно для него и знаніе Наукъ практическихъ. Теорія безъ практики — вещь пустая; и не столько говорится объ общихъ свойствахъ предметовъ, сколько о частныхъ и особенныхъ качествахъ ихъ, дѣйствіяхъ и способахъ, коими они дѣйствуютъ.

Глава III. Грамматика и другія средства къ познанію языка.

Описывая Грамматику, г. Сочинитель говоритъ: „Грамматика содержитъ прави-„ла, составленныя изъ наблюденій, относя-„щихся къ языку одного какого либо наро-„да или всего рода человѣческаго: въ пер-„вомъ случаѣ Грамматика называется *част-„ною*, въ послѣднемъ *всеобщею* или *фило-*

софскою.“ — Что вѣрнаго можно вывести о Граммашикѣ изъ сего описанія? Она *содержитъ правила, выведенныя изъ наблюденій, относящихся къ языку народа*; но къ чему ведутъ сіи правила? Г. Сочинитель увлекается случайными знаками предметовъ и опускаетъ существенные; отъ этого его ученіе остается невразумительнымъ. Трудно понять, что значатъ его *общая* и *частная* Граммашики; изъ поясненій, имъ сдѣланныхъ за тѣмъ — „часть„ная Граммашика занимается по бо́льшей „части механическими свойствами языка, „а всеобщая логическими объясненіями онаго“ — также не видно, въ чемъ состоитъ дѣло каждой. Что это за механическія свойства языка? Что такое логическія объясненія онаго? — Не лучше ли было бы употребить старое, внятное опредѣленіе Науки, чѣмъ выдумывать новое, ничего непоказывающее? Почему раздѣлять Граммашику на *частную* и *философскую*, когда правила, касающіяся языка одного народа, могутъ быть также философическими, какъ и въ общей Граммашикѣ? Можно философствовать и о предметѣ единственномъ.

Далѣе, въ сей главѣ, показываются „другія средства,“ (которыхъ г. Сочинитель не соизволилъ отнести ни къ общей,

ни къ частной Грамматикѣ, ниже къ другой какой либо Наукѣ), „служащія къ объ„ясненію языка въ разныхъ отношеніяхъ. „Сіи средства суть: a) употребленіе, b) „чтеніе классическихъ Писателей, c) пере„водъ, d) сочиненіе, e) этимологическое из„слѣдованіе словъ, и f) логическое объясне„ніе оныхъ, основанное на историческомъ „развитіи мыслей.“ — Средства полезныя; но г. Сочинитель не всѣ въ надлежащемъ свѣтѣ показываетъ. Напримѣръ: „отъ перевода „иностранныхъ Писателей мы познаемъ раз„ныя свойства, обилiе и недостатки отe„чественнаго языка (стр. 7).“ — Какія же разныя свойства *своего* языка познаемъ изъ *иностранныхъ* Писателей? Какая польза происходитъ отъ познанія обилія и недостатковъ его? — Надлежало бы досказать. Говоря объ этимологическомъ изслѣдованіи языка (стран. 8), г. Сочинитель называетъ „кореннымъ словомъ то, отъ котораго „произошли другія слова чрезъ наращеніе и „перемѣну окончанія онаго.“ — Но тѣми же способами могутъ быть производимы слова и отъ производныхъ рѣченій. Положимъ, наприм. отъ *коло* происходитъ, чрезъ наращеніе, слово *около*. Слова: *окольность*, *окольный*, *окольничій*, и проч., вѣрно происходятъ не непосредственно отъ *коло*, а

отъ *около*: и такъ, по опредѣленію коренаго слова, сдѣланному г. Сочинителемъ Военнаго Краснорѣчія, — *около* и *окольный* также будутъ коренныя; ибо отъ перваго производится второе, а отъ сего *окольничій* и проч.

Трудно также согласиться и съ Филологами г. Сочинителя въ томъ, что „коренъ слова состоитъ изъ одной или изъ двухъ согласныхъ буквъ," — когда неоспоримо, что слова коренныя имѣютъ значеніе и что они творятся, въ нуждѣ, именно для выраженія новаго понятія. Но одною и двумя согласными буквами, которыхъ, безъ соединенія съ ними самогласной и произнесть явственно невозможно, едва ли на какомъ либо языкѣ дикарей выражаются понятія. Кромѣ того, отъ какихъ согласныхъ буквъ произведетъ г. Сочинитель слова — *эй*, *ай*, *ау*, собственное имя *Іо* и проч.? —

Предположенія (стр. 10, 11, до 18) о томъ, какъ части рѣчи входили въ языкъ людей одна за другою, кажется, вовсе не служатъ къ объясненію и познанію языковъ. По моему мнѣнію, г. Сочинитель лучше бъ поступилъ, когда бы остановился на этимологическомъ изслѣдованіи языка, и показалъ съ бо́льшею, нежели какъ онъ то сдѣлалъ, основательностію перемѣны значе-

нія словъ, происходящія отъ присоединенія къ кореннымъ другихъ рѣченій и отъ измѣненія ихъ окончаній. Въ учебной книгѣ неумѣстное толкованье отвлекаетъ учащагося отъ существенныхъ предметовъ Науки.

Глава IV. Опредѣленіе Логики, понятія, сужденія, умозаключенія.

Г. Сочинитель на удачу опредѣляетъ и Логику, и понятія, и сужденія, и умозаключенія.

„Логика есть Наука, объясняющая пра„вила, по которымъ умъ долженъ дѣйство„вать.“ — Скудное опредѣленіе! Ибо скажутъ: Логика прежде предписываетъ правила, потомъ уже объясняетъ ихъ. Спросятъ: на чемъ правила сей Науки основываются? Для чего же не сказать, что они основаны на самой познавательной способности, способности размышленія? — Притомъ Логика объемлетъ не одинъ умъ, а всѣ силы, составляющія способность размышленія; показываетъ законы, по которымъ каждая изъ нихъ дѣйствуетъ при познаніи; предписываетъ правила для вѣрныхъ умозаключеній, которыя могутъ быть производимы умомъ только при содѣйствіи прочихъ силъ. Въ познаніи необходима сила ощущенія; безъ ея дѣйствія не можетъ быть въ насъ удостовѣренія о бытіи предметовъ и возбуж-

денія къ дѣйствію другихъ силъ. Необходимо вниманіе, останавляющее насъ на предметѣ, произведшемъ въ насъ перемѣну, и шѣмъ доставляющее воображенію время принять достаточно впечатлѣнія, предметомъ въ чувственныхъ нашихъ органахъ производимыя, и изъ коихъ умъ составляетъ понятія. Разумъ сотворяетъ идеи, постигая, при должномъ употребленіи, внутреннюю природу познаваемаго, связь его съ другими, отношенія къ другимъ, причины его явленій, чего умъ не можетъ произвесть, ибо постигаетъ одни явленія предметовъ. Память сохраняетъ пріобрѣтенія ума и разума. Фантазія, вѣрная служительница послѣдняго, олицетворяющая его идеи и шѣмъ содѣлывающая ихъ болѣе удобопостижимыми, неразлучная подруга творца — генія и вкуса — цѣнителя всѣхъ изящныхъ произведеній, — также способствуетъ познанію, и посему должна имѣть почетное мѣсто въ Логикѣ. Нельзя совершенно исключить изъ сей Науки и волю, безъ которой многія силы способности познавательной остаются въ бездѣйствіи, безъ которой не можетъ быть ни сужденій, ни умствованій, а посему ни понятій, ни идей, слѣдовательно никакого познанія. И такъ, въ опредѣленіи Науки, надлежало бы, вмѣсто *ума*, избрать другое

слово, которое выражало бы всѣ силы мыслящей части человѣка.

Нигдѣ не можетъ быть лучше примѣнено сіе изрѣченіе — *все* или *ничего*, какъ въ дѣлѣ Наукъ. Или, разсуждая о Словесности, Сочинитель не долженъ былъ ничего говорить о Логикѣ, предположивъ, что она извѣстна читателю: никто не взыщетъ съ Сочинителя молчанія о ней, ибо его предметъ — Риторика; или, взявшись объяснять законы ея, онъ долженъ изобразить всѣ необходимые, и въ связи; безъ того ученіе запутаетъ читателей, не принеся имъ ни малѣйшей пользы. Да проститъ меня великодушно г. Сочинитель, если осмѣлюсь сказать, что едва ли подобные способы объясненія Логики не суть виною того отвращенія, каковое ученики оказываютъ къ ней, и того пренебреженія, съ коимъ многіе отцы смотрятъ на преподаваніе правилъ ея дѣтямъ ихъ. Какой грѣхъ принимаетъ на свою душу тотъ, кто опорочиваетъ въ глазахъ людей одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ полезному развитію ихъ способностей и единственно по желанію сократить Науку и произвесть что-то новое!

„Умственное представленіе предмета, „возбуждаемое въ душѣ присутствіемъ пред„мета или воспоминаніемъ онаго, называет-

„ся *понятіемъ* (идеею)." Въ семъ опредѣленіи понятія все, кромѣ слова *представленіе*, нейдетъ къ понятію. Во 1) слово *умственное* — излишнее, ибо ни чувственнаго, ни какого либо другаго представленія быть не можетъ. 2) Вмѣсто — *представленіе предмета*, надлежало бы сказать — совокупное представленіе чувственныхъ знаковъ предмета; ибо въ понятіи представляемъ не самый предметъ, а тѣ его примѣты, кои подѣйствовали на наши чувства, возбудили наше вниманіе и силою воображенія напечатлѣны въ душѣ. Если бы мы представляли въ умѣ самый предметъ, то наши представленія были бы всегда одинаковы, по крайней мѣрѣ, при разсматриваніи его съ одной точки и доколѣ онъ не измѣнился. Но бываетъ противное: предметъ тотъ же и неизмѣненъ; человѣкъ смотритъ на него, въ разное время, съ одной точки; а его понятія о немъ различны, и безъ сомнѣнія отъ того, что не одинаковое число знаковъ разсматриваемаго, и не въ равной степени живости представляется. 3) *Возбуждаемое въ душѣ присутствіемъ предмета.* По этому о всякомъ присутствующемъ предметѣ мы *невольно* имѣли бы понятіе (тогда еще болѣе не шло бы къ нему названіе *умственнаго* представленія); но

понятія пріобрѣтаются размышленіемъ, слѣдовательно *свободно*, хотя и суть слѣдствія чувственныхъ впечатлѣній, принимаемыхъ нами по физической необходимости. Опытъ увѣряетъ насъ, что иногда изъ тысячи присутствующихъ предметовъ и дѣйствующихъ на насъ, мы не познаемъ ни одного, ибо ни объ одномъ не размышляемъ. Какъ же г. Сочинитель будетъ послѣ сего наставлять пріобрѣтенію понятій вѣрныхъ и полныхъ? Безъ размышленія? Какъ нибудь? Очень худо. 4) *Или воспоминаніемъ онаго.* Воспоминаніемъ, понятія, уже пріобрѣтенныя, только возобновляются въ душѣ, въ прежнемъ ихъ видѣ; оно не творитъ новыхъ. Если же къ полученнымъ прежде и воспомянутымъ представленіямъ что нибудь присовокупляемъ, то все не памятію, а фантазіею, или умомъ, или разумомъ. 5) *Называется понятіемъ (идеею).* — Объясняя одно изъ сихъ словъ другимъ и нигдѣ не опредѣливъ послѣдняго, Сочинитель показываетъ, что онъ принимаетъ ихъ за одно и то же. Но *понятіе* (conceptus) и идея (idea) давно уже въ Логикахъ отличены, и по важнымъ причинамъ. Первымъ означаютъ, какъ я сказалъ, совокупное представленіе чувственныхъ знаковъ предмета познаваемаго, а вторымъ — представленіе того

способа, коимъ онъ дѣйствительно существуетъ. Въ первомъ представляемъ предметъ по его явленіямъ; а во второй такъ, какъ онъ есть. Понятіе пріобрѣтается помощію ума, идея — помощію разума. Сіе раздѣленіе представленій основано на самой сущности познаваемыхъ предметовъ, имѣющихъ и чувственные и невещественные знаки, и на сущности ума и разума, изъ которыхъ одинъ можетъ представлять только то, что, посредствомъ чувствъ, переходитъ въ душу, а другой самостоятельно отыскиваетъ то, что не имѣетъ вещества. Умъ и разумъ, только въ совокупности дѣйствуя, могутъ доставлять намъ полное представленіе, полное познаніе предмета. Опредѣливъ такъ ложно понятіе, Сочинитель или вовсе не научитъ пріобрѣтать понятія, или наставитъ понятіямъ ложнымъ: въ обоихъ случаяхъ онъ неправъ. О началахъ понятій, о ихъ раздѣленіи по извѣстнымъ категоріямъ и о способѣ пріобрѣтать представленія полныя, не говоритъ онъ ни слова. Къ чему же служитъ его ученіе?

„Сужденіе есть соединеніе или раздѣле„ніе понятій въ умѣ.“ —

На какой же конецъ соединяются или раздѣляются понятія? — Сочинитель объ-

ясняетъ свое невнятное опредѣленіе сужденія, словами болѣе невразумительными: „мы „обыкновенно соединяемъ тѣ понятія, ко„торыя одно въ другомъ включаются; а „раздѣляемъ тѣ, которыя одно въ другомъ „не могутъ заключаться.“ — Для учащагося по книгѣ Г. Толмачева, и опредѣленіе и объясненіе сужденія, безъ смѣтливаго исполкователя, останутся непроницаемою тьмою. Мнѣ кажется, лучше опредѣлить сужденіе такъ: сужденіе есть дѣйствіе души, которымъ она опредѣляетъ одно представленіе посредствомъ другаго, такъ, что тѣмъ показываетъ приличіе (convenientia) одного изъ нихъ другому, или неприличіе (inconvenientia). Мы говоримъ: опредѣляетъ *представленіе*, а не понятіе; ибо въ сужденіе входятъ и идеи. Г. Сочинитель также, какъ и въ спорѣ о понятіяхъ, не показываетъ ни началъ, ни раздѣленія сужденій, ни способа, коимъ они производятся. Къ чему же служитъ ученіе?

Не знаю, кто изъ проникшихъ таинства Логики узнаетъ умствованіе (ratiocinium), кто изъ желающихъ постигнуть таинства Науки можетъ уразумѣть дѣло умствованія по слѣдующимъ словамъ г. Сочинителя: „*Умозаключеніе* есть извлеченіе „одного сужденія изъ другаго, основанное

„на правилахъ Логическихъ?“ — И такъ умствованіе состоитъ только изъ двухъ сужденій? — Какая самопроизвольность въ опредѣленіяхъ! Какое пренебреженіе точности! — Въ главѣ XXII, гдѣ объясняются силлогизмы, тотъ же мракъ облежитъ умствованіе. Какъ же и усердно желающій содѣлаться умствователемъ, что для занимающагося Словесностію необходимо, можетъ удовлетвориться своему желанію, не получивъ къ тому, отъ своего наставника, здравыхъ понятій ни о представленіяхъ, ни о сужденіяхъ, не слыша отъ него, ни объ одномъ изъ трехъ дѣйствій души, ни одного основательнаго правила?

(Окончаніе впредь.)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обозрѣніе происшествій 1826 года.

(*Продолженіе.*)

Нидерландское Королевство, въ началѣ минувшаго 1825 года, много потерпѣло отъ наводненій и разрыва плотинъ, а въ концѣ отъ великаго затрудненія въ денежныхъ оборотахъ, распространившагося изъ Англіи по всей образованной части свѣта; но сіе положеніе, по извѣстной Голландской твердости, какъ справедливо сказалъ Король въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи засѣданій Генеральныхъ Штатовъ нынѣшняго года, вскорѣ счастливо прекратилось: въ истекшемъ же 1826 году, Королевство сіе должно было бороться съ двумя ужасными бѣдствіями. Первое состояло въ опустошительной моровой язвѣ, бывшей слѣдствіемъ жаркаго сухаго лѣта (для болотныхъ странъ сырая погода есть здоровѣйшая) и истребившей многихъ жителей Гренингена, Оверисселя и Фрисландіи; другое было опас-

ное возстаніе въ Южно-Индійскихъ владѣніяхъ, преимущественно на главномъ островѣ Явѣ, который до крайности разоренъ былъ мятежниками. Послѣ побѣды, одержанной Индійцами 2 Сентября прошедшаго года при Самарангѣ, Европейцы принуждены были бѣжать, и до сихъ поръ возмущеніе не только не укрощено, но сдѣлалось еще опаснѣе, потому что въ войскахъ Нидерландскихъ оказалась повальная болѣзнь cholera morbus. Благодѣтельное и просвѣщенное правленіе Вильгельма I и Нидерландскіе Генеральные Штаты употребили всѣ силы свои для прекращенія сихъ бѣдствій. Благоразумныя мѣры приняты были для воспрепятствованія дальнѣйшему распространенію язвы, которой дѣйствіе все болѣе и болѣе ослабѣвало къ концу года; въ Яву послано было подкрѣпленіе; положено было сдѣлать заемъ въ 20 милліоновъ въ пользу заморскихъ владѣній большинствомъ 72 голосовъ противу 6, и островъ Ява открытъ былъ для торговли всѣхъ народовъ. Послѣднія засѣданія Генеральныхъ Штатовъ имѣли главнымъ предметомъ занятія бюджетъ на 1826 годъ и введеніе общенароднаго обученія юношества. Нынѣшнія были открыты Королемъ 16 Октября въ Брюсселѣ, и въ рѣчи Короля упоминаемо

было о внутреннихъ дѣлахъ Королевства, о счастливомъ прекращеніи критическаго положенія торговли, о заразѣ, о состояніи Индійскихъ колоній и т. п. — Въ Нидерландахъ также безпрерывно распространяема была система каналовъ. На мѣсто уволеннаго Г. де Коника, поступилъ въ Министры Иностранныхъ Дѣлъ Баронъ Верстукъ фанъ-Зуленъ. Полковникъ Вервье отправился на Панамскій Конгресъ въ качествѣ Нидерландскаго Посланника. Здѣсь также произведены значительные сборы въ пользу Грековъ. Колосальный левъ, памятникъ Ватерлоскаго сраженія, нынѣ оконченъ. — Народонаселеніе Амстердама безпрестанно увеличивается; въ прошедшемъ году, родившихся въ семъ городѣ было 7352, а умершихъ только 6302 чел. — Въ Амстердамъ прибыло съ моря 1606 кораблей.

Исторія *Швейцаріи* въ прошедшемъ году, имѣла только мѣстную занимательность. И здѣсь равномѣрно оказывали пламенное участіе въ судьбѣ Грековъ. Сеймъ въ Люцернѣ открытъ былъ 3 Іюля, и закрытъ уже 13 Августа. Достойны примѣчанія разсужденія объ отмѣненіи смертной казни въ Женевѣ, гдѣ, между прочимъ, не принято было предложеніе соорудить памятникъ Ж. Ж. Руссо. Разведеніе Тибет-

скихъ козъ на Альпійскихъ горахъ имѣло нѣкоторый успѣхъ. Опредѣленіе Швейцарскихъ полковъ въ иностранную службу и церковныя дѣла въ Католическихъ Республикахъ принадлежали также къ предметамъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе.

Исторія *Италійскаго полуострова* въ прошедшемъ году, представляетъ также не много происшествій занимательныхъ во всемірномъ отношеніи. *Сицилія* совершенно уже была очищена отъ Австрійскихъ войскъ, которыя мало по малу выходили и изъ *Неаполя*. Хотя и здѣсь положеніе землепашцевъ было не слишкомъ счастливо, однако же благоразумное Правительство шѣмъ ревностнѣе старалось объ улучшеніи фабрикъ и усердно пеклось о внутреннемъ усовершеніи; съ другой стороны оно снова было принуждено издавать строгія постановленія противъ упорныхъ Карбонаровъ. 26 Апрѣля скончалась супруга покойнаго Короля, Герцогиня Флоридія; также лишился Неаполь въ семъ году знаменитаго Астронома Піацци. Въ Римѣ были заперты Святыя врата 26 Декабря прошедшаго года, введено лучшее Государственное Хозяйство, и учреждены сообразныя съ цѣлію заведенія для бѣдныхъ. Въ Пезаро, что въ *Римской области*, открыта была новая

Карбонарская ложа, и Папское Правительство, подобно прочимъ въ Италіи, должно было безпрерывно обращать все свое вниманіе на сіи гибельныя тайныя общества и вообще противодѣйствовать нарушенію внутренняго спокойствія и безопасности. Въ одной Болоніи, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, насчитано не менѣе 96 убійствъ! — Алжирскій Дей принужденъ былъ Франціею выдать Римскихъ плѣнныхъ. — Великій Герцогъ *Тосканскій*, коего подданные благоденствуютъ подъ кротчимъ его правленіемъ, предпринималъ въ семъ году путешествіе въ Вѣну. Въ *Сардинскомъ* Королевствѣ, коего народонаселеніе простирается нынѣ до 4 милліоновъ душъ, безпрерывно умножается число монастырей, коихъ теперь уже считается 348. Къ достопамятнѣйшимъ открытіямъ въ Италіи, странѣ протекшихъ вѣковъ, принадлежатъ развалины Геркулесова храма близъ Бресчіи съ превосходнѣйшими, сохранившимися въ цѣлости, статуями; въ Помпеѣ также продолжаютъ открывать много достопамятностей. Доселѣ еще не исполнилось ожиданіе возстановленія *Мальтійскаго ордена*, который, какъ полагали, долженъ былъ основаться въ Феррарѣ и сильно дѣйствовать за Грековъ. Выступившая изъ береговъ рѣка Аніо въ

концѣ года, причинила большія опустошенія въ Римской области.

Жестокая и опасная болѣзнь (воспалительная горячка), которою одержимъ былъ Императоръ обширной *Австрійской* Монархіи (съ 9 Марта), возбудила сильнѣйшее опасеніе о жизни любимаго Государя, и съ восторгомъ принято было извѣстіе о воспослѣдовавшемъ вскорѣ послѣ того выздоровленіи сего Монарха. Осторожная Политика Австріи постоянно клонилась къ тому, чтобы предупредить всякое нарушеніе внѣшняго и внутренняго спокойствія Европы. Бразилія признана была самостоятельнымъ Государствомъ; а Инфантъ Донъ Мигуэль одобрилъ, какъ выше упомянуто, въ Вѣнѣ новую Португальскую харгію, и обнародовалъ обрученіе свое съ будущею Португальскою Королевою. Основываясь на ложныхъ слухахъ, предполагали снова, что путешествіе Князя Меттерниха имѣло важную политическую цѣль. Венгерскій Сеймъ продолжался и подалъ поводъ ко многимъ преніямъ о предметахъ, касающихся до образа правленія Венгріи и отношенія оной къ прочимъ странамъ, подвластнымъ Австрійской Монархіи. Городъ Зальцбургъ будетъ поставленъ на ряду съ первостепенными крѣпостями. Здѣсь продолжали строить

большія дороги, и внутренняя дѣятельность ремеслъ безпрерывно увеличивалась. Къ примѣчательнѣйшимъ изобрѣтеніямъ принадлежитъ паровое орудіе Г. Безецнаго, которое въ одну минуту бросаетъ 250 пуль.

(*Продолженіе впредь.*)

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ЦВѢТЫ.

(Къ женѣ моей.)

Ложатся на землю
Снѣга;
Поблекли, завяли
Луга!
Какъ жизнь услаждаютъ
Мечты:
Тебя такъ красуютъ —
Цвѣты.

Покинемъ, Алина,
Сей градъ;
Къ полямъ возвратиться
Я радъ!
На всемъ тамъ искуства
Персты;

Убранство пастушки:
Цвѣты.

Тамъ скучны веселья
Пировъ;
Тамъ взоръ мой былъ мраченъ,
Суровъ;
Тамъ гасла блѣднѣла
И шы:
Здѣсь вновь на ланитахъ
Цвѣты!

Какъ знать, что въ грядущемъ
Насъ ждешъ?
Судьба намъ замѣны
Даешъ!
Нашъ милый младенецъ
И шы:
Мои вы въ сей жизни
Цвѣты.

2.

СТАРОЙ КОКЕТКѢ.

Ты всякой день, возставъ ошъ сна,
Спѣшишь предъ зеркало садишься;
И вдругъ исчезнешъ сѣдина,
И блѣдный цвѣшъ швой оживишся!
Я вижу все, — и не шушя
Совѣтую не шрашишь красокъ;
Напрасный шрудъ! любовь — дишя:
А дѣши всѣ боятся масокъ.

(*Изъ Armand-Sevillé.*)

3.
НОВЫЙ НАРЦИССЪ.

Нарциссу было суждено
Любить свой видъ прекрасной;
Но я не въ воду, — а въ вино —
Гляжуся ежечасно!
Я самолюбіемъ томимъ,
Стаканъ свой наливаю;
И съ влажнымъ зеркаломъ моимъ
Свой образъ — выпиваю!

(*Изъ Panard.*)
В. Вердеревскій.

VI.
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя книги:
1827.

Мореходство.

7. *Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности.* Ч. XI. С. П. б. 1826, въ Морск. тип. IV—500 стр. въ 8, со многими таблицами и 3 чертежами.

(У насъ часто выходятъ въ свѣтъ весьма любопытныя и полезныя книги, служащія вообще къ распространенію познаній, — и часто публика холоднымъ окомъ смотритъ на ихъ появленіе. Причина тому очень проста: книги такого рода по бо́льшей части издаются Правительственными мѣстами; о нихъ книгопродавцы не трубятъ въ пышныхъ газетныхъ объявленіяхъ, и не всегда даже Журналы знакомятъ насъ съ ихъ содержаніемъ. Къ числу таковыхъ книгъ должно отнести сіи *Записки*. Изъ нихъ любопытные могутъ видѣть постепенные успѣхи Россійскаго мореплаванія, могутъ почерпать весьма занимательныя свѣдѣнія о кругосвѣтныхъ и другихъ путешествіяхъ, совершаемыхъ, по волѣ Правительства, офицерами Императорскаго флота; могутъ въ нихъ найти описанія многихъ портовъ и приморскихъ городовъ Россійскихъ, и т. п. Сверхъ того, для людей, занимающихся математическими Науками, особенно въ приложеніи оныхъ къ мореходству, помѣщаются въ сихъ Запискахъ весьма важныя вычисленія и таблицы, извѣстія о новыхъ изобрѣтеніяхъ по части кораблестроенія и пр. и пр., а для упражняющихся въ Наукахъ Естественныхъ — наблюденія Ученыхъ, посыланныхъ на разныхъ судахъ въ разныя

страны свѣта. Желательно, чтобы соотечественники наши, любящіе чтеніе, обращали болѣе вниманія на книги сего рода, доставляющія чтеніе занимательное и полезное, а не такое, которое только разстроиваетъ воображеніе и оставляетъ пустошу въ умѣ и понятіяхъ.)

Языкознаніе.

8. *Краткая Россійская Грамматика, изданная Титулярнымъ Совѣтникомъ Михайломъ Радугинымъ.* М. 1826, въ типогр. П. Кузнецова. 74 стр. въ 8.

(См. No 25 Сѣв. Пчелы.)

9. A practical Grammar of the Russian language, by James Heard (*Практическая Грамматика Русскаго языка, соч. Якова Герда*). С. П. б. 1827, въ тип. Департ. Народн. Просвѣщенія. 2 Ч. въ 1й 323, во 2й 197 стр. въ 8.

(Г. Гердъ заслуживаетъ благодарность и соотечественниковъ своихъ и Русскихъ: онъ первый взялся познакомить Англичанъ съ правилами богатаго и звучнаго нашего языка, который, вопреки шуткамъ покойнаго Бейрона (*), по признанію даже мно-

(*) Въ одной изъ послѣднихъ Пѣсней своего Донъ-Жуана, Лордъ Бейронъ шутитъ надъ *эвфоніею* Русскихъ собственныхъ именъ. Не дивимся: почтенный Лордъ вѣрно не умѣлъ ихъ выговаривать.

гихъ иностранцевъ, превосходитъ гармоніею большую часть современныхъ языковъ Европейскихъ. Въ 29 No Сѣверн. Пчелы помѣщено подробное извѣстіе о сей Россійско-Англійской Граммашикѣ, которой желаемъ всякаго успѣха, равно какъ и тѣмъ, кои возьмутъ ее съ похвальнымъ намѣреніемъ — выучишься по ней Русскому языку.)

Жизнеописаніе.

10. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Fürsten D. M. Posharski; von A. Malinowski, Senator und Chef des Moskoiſchen Archivs von dem Collegium der auswärtigen Angelegenheiten. Ins Deutſche überſetzt von ſeiner Tochter, Katharina Malinowski. (*Достопамятности изъ жизни Князя Пожарскаго, соч. А. Малиновскаго, Сенатора и Управляющаго Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Перевед. на Нѣмецкій языкъ дочерью его, Катериною Малиновскою*). М. 1826, въ типогр. Селивановскаго. 70 стр. въ 8.

(См. No 30 Сѣверной Пчелы, гдѣ извѣстіе о сей книжкѣ помѣщено съ любопытными замѣчаніями по сему поводу, извле-

ченными изъ Рижской Газеты: Oſſee-Provinzen-Blatt.)

Словесность.

11. Der Trauerquell (*Бахчисарайскій фонтанъ*) verfaßt von Alexander Puſchkin. Aus dem Ruſſiſchen überſetzt von Alexander Wulffert. С. П. б. въ типогр. Особенной Канцеляріи М. В. Д. 48 стр. въ 12.

(Г. Вульфертъ переложилъ уже въ Нѣмецкіе стихи Поэму Пушкина: Кавказскій плѣнникъ. Остается знатокамъ Нѣмецкаго языка оцѣнить достоинство сего новаго перевода и сличить его съ подлинникомъ. Книжка сія напечатана весьма хорошо.)

12. *Баязетъ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Расина. Перевелъ съ Французскаго В. И. Олинъ.* С. П. б. въ типогр. Медицинскаго Департаменша Мин. Вн. Дѣлъ. 1827. 84 стр. въ 8.

(Издатели получили довольно пространное разсмотрѣніе сего перевода, которое намѣрены помѣстить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ С. О.).